ЗИНОВЬЕВ ТАКТИКА КОММИНТЕРНА

Е41 1568

3-635
тактика

1-ति ०:... ... ...

Е41 1568

Г. ЗИНОВЬЕВ

335
3-63

ТАКТИКА КОМИНТЕРНА

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РАБОТАМ III ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА

Р. С. Ф. С. Р.
КОМ
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА
„ЕЛЕНА ГАНЕЦКАЯ"
№
Шаповская пер. д. 4
Телефон № 2-61-32

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Р. В. ПУ Петербург.
Гиз. № 799. Отпечатано 5000 экз.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 32920
И. Н. П.
Кабинет истории Народов СССР
№ 19
С. 09. 1383

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

ТАКТИКА КОМИНТЕРНА.

Послесловие к работам III Всемирного Конгресса.

I. ОБЩАЯ ЛИНИЯ КОМИНТЕРНА.

Решения третьего Всемирного Конгресса Коминтерна толкуются вкривь и вкось. Не только противники, но и некоторые друзья не поняли еще значения III Конгресса. А между тем, каждому коммунисту, для того, чтобы сознательно участвовать в нынешней борьбе, необходимо с полной ясностью понять роль и значение III Конгресса и его место в освободительной борьбе мирового пролетариата.

Что иным представителям буржуазии позиция, занятая III Конгрессом, показалась неожиданной—это понятно. Не менее понятно и то, что некоторые из крупных буржуазных органов мирового капитала закричали о нашем мнимом отречении от «чистого» коммунизма. Очень хотели бы эти господа, чтобы мы были «чистыми» коммунистами в том смысле, какой *они* вкладывают в это слово. «Чистый» коммунист в представлении этих господ—это нечто вроде Дон-Кихота. «Чистый» коммунист это тот, который не считается с реальной обстановкой, с условиями времени и пространства. «Чистый» коммунист это тот, который легко ловится на каждый крючок, закидываемый буржуазией, и с легкостью попадается в каждую западню, расставленную классовыми врагами. «Чистый» коммунист это тот, который предпринимает решающую борьбу не тогда, когда этого требует сознательный расчет и когда есть надежда побе-

*

дить, «чистый» коммунист это тот, который принимает борьбу тогда, когда это нравится буржуазии, который попадается на каждую провокацию, в каждую ловушку. Одним словом, в представлении буржуазии такие «чистые» коммунисты недалеки от чистых... дураков.

Третий Конгресс Коминтерна в этом отношении жестоко разочаровал мировую буржуазию. Он показал ей, что коммунисты, организованные в Коммунистическом Интернационале, совсем не похожи на тех дурачков, которых она хотела бы видеть в качестве своих противников и которых она награждает кличкой «чистых». Вот почему с плохо скрытой досадой представители буржуазии трубят о том, что коммунисты будто бы «поправели» и их третий Конгресс якобы отошел от коммунизма.

Герои и вожди 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов, разумеется, и в этом отношении считают своим долгом не отставать от буржуазии. Г. Мартов кричит о «сумерках» Коминтерна, задним числом подтверждая, что в 1919—1920 г.г. Коминтерн действительно вел за собою громадные массы рабочих—что не мешало тому же Мартову в тех же 1919—20 г.г. кричать о том, что Коминтерн представляет только маленькую кучку. Г. Гримм в газете «Berner Tagwacht» от 23 июля с торжеством возвещает, что третий Конгресс «разбавил водой крепкое вино коммунизма», «отрекся от упрямых 21 пунктов», и в заключение ничтоже сумняшеся провозглашает: «это не больше и не меньше, как приближение к тактике Венского Интернационала». В таком же духе истолковали работы Конгресса и «Freiheit» и «Vorwärts», и «Populaire», и Брантинговский «Социал-Демократ» и Бельгийский «Peuple».

Что *враги* таким образом истолковали работу III Конгресса, в этом нет ничего удивительного. Объяснять *им* действительный смысл и значение III Конгресса было бы делом бесполезным. Но на непонимании, проявленном некоторыми *друзьями* Коминтерна, остановиться необходимо. Наш шведский товарищ Стрем, давая отчет о III Конгрессе, писал: «правое крыло на

Конгрессе было представлено русской партией и партией французской». И тов. Стрем так же, как тов. Хеглунд, с радостью констатирует победу на Конгрессе этого «правого» крыла. Уже одно это сопоставление двух партий ясно показывает, что т. Стрем и т. Хеглунд не вполне ясно отдают себе отчет в том, что произошло на III Конгрессе. Победа линии французской партии на III Конгрессе! Но представители французской партии на III Конгрессе сами десятки раз признавали, что их партия только еще развивается в коммунистическую партию! В этом нет ничего плохого и ничего удивительного. III Конгресс с величайшей радостью отметил тот громадный шаг вперед, который проделала французская партия в своем развитии за последний год. Но вместе с тем тот же Конгресс в полной солидарности с лучшей частью французских делегатов констатировал, что французская партия должна еще многое и многое исправить для того, чтобы еще только стать действительно коммунистической партией...

С другой стороны, вести, приходящие из Германии, показывают, что и там далеко не все товарищи правильно поняли значение III Конгресса. В письме одного из новых членов Центрального Комитета Германской Коммунистической Партии, писанном во время партейтага в Иене (24 авг. 1921 г.), товарищ пишет нам:

—«III Конгресс здесь вызвал такое впечатление, что вы осудили не только теорию офензивы, но и борьбу тех рабочих, которые участвовали в мартовских битвах. Это, без сомнения, впечатление неправильное, но вместе с тем с этим психологическим фактором приходится считаться, чтобы правильно понять внутреннюю борьбу в рядах Германской Коммунистической Партии».

Само собою разумеется, что те «левые» германские товарищи, которые предполагают, будто III Конгресс осудил не только теорию офензивы, но и борьбу рабочих в марте, столь же ошибаются, как и те проницательные шведские товарищи, которые увидели на III Конгрессе победу линии французской партии.

Что же, в конце-концов, произошло на III Всемирном Конгрессе Коминтерна? Каков действительный смысл его решений? В чем содержание нынешней тактики Коминтерна?

Ларчик открывается очень просто. Содержание работ III Конгресса выражается в том, что Коминтерн приспособил свою тактику к новым условиям. Коминтерн идет к прежней цели и, в основном, прежними путями. Но, считаясь с новыми препятствиями, он, где нужно, умеряет шаг, обходит овраги, отступает сегодня, чтобы завтра лучше организовать наступление, охлаждает чрезмерную горячность авангарда там, где слишком отстали арьергарды.

Элемент *организованности* в рабочем движении за два года существования Коминтерна, несомненно, возрос необычайно. Коммунистические партии представляют в 1921 году, несомненно, большую организованную силу, нежели в 1919 году. Но элемент *спонтанейности* в борьбе масс, элемент *стихийного подъема* в течение этих же двух лет стал слабее; противник за эти два года окреп, буржуазия консолидировалась, сорганизовалась, оправилась от первой растерянности после войны, перестроила свои ряды и стоит пред нами опять, как серьезный, местами грозный противник. Социал-демократы, сторонники второго и двухсполовинного Интернационалов в течение двух лет 1919—1921 сделали все от них зависящее, чтобы *помочь буржуазии* консолидироваться. В те времена, когда буржуазия была беспомощной, в те месяцы, когда вожди капиталистов тряслись, как в лихорадке, когда буржуазные партии колебались, как былиночки, в это время очень многое, почти все зависело от субъективного фактора: от степени готовности рабочих, от революционной воли и решимости их партий и профсоюзов. В это решающее время социал-демократы 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов все, что имели, бросили на чашу весов буржуазии. Вот почему то, чего в 1919 году можно было достигнуть одним ударом, теперь достанется нам с большим трудом. Вот почему и III Конгрессу

Коминтерна пришлось устанавливать свою тактику применительно к новым обстоятельствам.

Нигде этот процесс не протек так наглядно, как в Италии. В 1919 и отчасти в 1920 годах в Италии были все предпосылки для победоносной революции, кроме одной: организованности и революционности Социалистической Партии и профсоюзов. Буржуазия бессильно металась, не имея никакой серьезной вооруженной силы против рабочих. Массовый стихийный революционный подъем среди итальянского пролетариата был гигантский. Большая часть крестьянства и большинство демобилизовавшейся армии, несомненно, были на стороне рабочих. Это был критический пункт. Одним ударом итальянские рабочие могли достигнуть решающих побед. Не хватило только одного: партия итальянского рабочего класса, создававшаяся десятилетиями, в решающий момент оказалась не на высоте своего революционного призвания. Итальянская партия спасовала перед потребностями времени; издавна разъедаемая червем реформизма, она в решающую минуту оказалась гнилой. Поведение партии и профсоюзов в сентябре 1920 года, когда рабочие перешли к захвату фабрик и заводов, показало и слепому, что Итальянская Социалистическая Партия начинает играть в Италии такую же контр-революционную роль, как германская социал-демократия в Германии. Разумеется, всего этого нельзя объяснить случайностью или только злой волей той или другой группы вождей; разумеется, нынешнее состояние Итальянской Социалистической Партии само есть результат исторического развития. Но от этого рабочему классу не легче. Ведь и крепостное право в России, и царское самодержавие, и Вильгельм, и Носке, и Бриан—все это результаты известного исторического развития.

Решающий момент был пропущен. Ныне Италия как бы отброшена назад, она в известном смысле стоит дальше от победы пролетарской революции, чем в 1919 году. Итальянским коммунистам, разумеется, не видеть этого факта нельзя. Итальянским коммунистам

приходится учитывать этот кардинальный момент, вырабатывая свою тактику не в 1919, а в 1921 году. Это вовсе не значит, что итальянские коммунисты должны перестать быть коммунистами, что они должны отказаться от идеи пролетарской революции, что они должны приблизиться к $2^1/_2$ Интернационалу. Нисколько! Но это значит, что новая обстановка должна принудить их маневрировать осторожнее, считаться с необходимостью более длительной полосы подготовки, понять неизбежность значительного переходного периода и работать, не покладая рук, над тем, чтобы в течение этого переходного периода завоевать на свою сторону подавляющее большинство итальянских рабочих.

И приблизительно то же самое, mutatis mutandis, на III Конгрессе пришлось сказать себе коммунистам всех других стран, т-е. всему III Интернационалу.

В статье, помещенной в Миланском «Аванти» от 9 июля, Ливио Агостини выразил это очень ясно. Он писал:

«Но мы обманывали бы себя самих, если бы продолжали утверждать, что партия переживает в настоящий момент памятные дни 1919 года. Тогда коммунизм, уже одержавший победу в России и в Венгрии, бушевавший в Германии и заставлявший содрогаться всю Европу в судорогах зарождения ее новой будущности, побуждал нас, кому так же приходилось вокруг себя слышать мятежные крики толпы, неиствовавшей против сторонников и зачинщиков войны, и наблюдать выражение крайней покорности со стороны неспособной и беспомощной буржуазии—побуждал нас добиваться *немедленной* победы и в нашей стране. И тогда единственным нашим стремлением было преодоление того небольшого сопротивления, оказать которое была способна тогда еще буржуазия.

«Наоборот, в настоящее время наше положение совсем иное. Мы обманули бы массы, если бы сказали, что считаем революцию у нас близкой... И мы не можем признать за фашистами право приписывать изменение

положения вещей торжеству их насилия. Оно даже не является одним из факторов этого изменения. Фашисты стали применять насилие против нашего движения тогда, когда оно уже начало слабеть под влиянием глубокого разочарования, вызванного нашими колебаниями и ошибками, и когда буржуазия, создав новое средство и усовершенствовав старое, в достаточной степени успела сорганизовать свою защиту для подавления всякой нашей попытки к восстанию» («Аванти» № 164).

Здесь вполне правдиво описаны причины кризиса итальянского рабочего движения. Автор, пишущий в органе Серрати, вполне искренно указывает на то, что именно «наши колебания» (т.-е. колебания Итальянской Социалистической Партии) вызвали разочарование масс и что буржуазия, прекрасно использовав момент, сумела отбросить итальянский рабочий класс назад. Автор не прав только в своих выводах. Он видит великий вред, принесенный «колебаниями» 1919—20 г.г., а исцеления ищет... в новых колебаниях.

Цитируемый нами автор далее пишет:

«В своей последней московской речи т. Зиновьев высказывается за усиление борьбы для того, чтобы в том кризисе, который переживает буржуазия и из которого она неспособна найти выход, пролетариат обрел силы для осуществления своей диктатуры. Если эта программа должна направлять всю нашу партийную деятельность, то мы вполне согласны с т. Зиновьевым, ибо она совершенно совпадает с нашими воззрениями. Но если она хочет быть выражением того, что необходимо для данного момента, то достаточно сравнить наши силы и силы противников в сфере их борьбы между собою для того, чтобы признать невозможность успеха подобной попытки. И достаточно рассмотрения экономического положения нашей страны для того, чтобы признать, что в настоящий момент оно весьма неблагоприятно. Но мы скажем еще больше. Мы не только не признаем возможности, но также и не видим смысла и возможности усиления классовой борьбы... Поскольку мы

будем настаивать на усилении борьбы, мы уничтожим источники богатств буржуазии, но вместе с тем мы уничтожим также источники существования рабочих... Молчание фабрик и заводов и отсутствие на них всякого спроса на рабочую силу зловеще отражается в домах рабочих. Всякое стремление к лучшему будущему уступает свое место более насущной потребности: сохранению и только сохранению хлеба для себя и для своей семьи; это слишком безнадежная борьба для того, чтобы при ней не распалась рабочая организация и чтобы не разбилось усилие, направленное к новым завоеваниям... Но если историческая действительность не позволяет в настоящий момент сделать крайнюю попытку к установлению нашей диктатуры и если также, по нашему мнению, она делает совершенно невозможным обострение классовой борьбы, то в таком случае пред нашей партией встает ясная и определенная задача: защита исключительно при помощи своих сил и до последних возможностей завоеванных позиций, своего духовного достояния и духа своей организации».

Это рассуждение дает нам не только ключ к пониманию психологии лучших сторонников нынешнего большинства Итальянской Социалистической Партии, но и позволяет нам нагляднее всего уяснить действительный смысл нашей тактики, как ее наметил III Всемирный Конгресс. Агостини прав, указывая на то, что итальянский рабочий класс отброшен назад. То же самое можно сказать и о рабочем классе ряда других стран. Германский рабочий класс также отброшен назад и по тем же причинам: не будь сильной германской социал-демократии, использовавшей весь организационный капитал, накопленный германским пролетариатом в течение более чем четверти века, для помощи буржуазии, не будь той социал-демократии, которая сама собственными руками разогнала рабочие Советы и под руководством Носке перерезала десятки тысяч лучших германских рабочих, германская революция могла бы победить в 1919 году. То же самое с известной модификацией можно

сказать и о таких странах, как Венгрия, как Австрия, даже как Голландия и Швеция.

Агостини далее прав, когда он говорит о том, что немедленное победоносное восстание в Италии силами одних коммунистов невозможно. Это и хотел сказать III Конгресс Коминтерна не только по отношению к Италии, но и по отношению к другим странам, когда он требовал сосредоточить все усилия на завоевании большинства для коммунистических партий. Всеми своими работами III Всемирный Конгресс и хотел сказать: спонтанейность массовых взрывов и стихийность движений уменьшилась, консолидация сил буржуазии увеличилась и хотя организованность коммунистического пролетариата также возросла за это время, но не в такой мере, чтобы этот рост мог покрыть неблагоприятное влияние двух предыдущих факторов; поэтому — *осторожность*, вдесятеро, в сто раз лучшая предварительная подготовка каждого, в особенности, вооруженного выступления; ближе к массам; завоевание большинства для коммунистов, и для этого—длительная и упорная, быть может, довольно продолжительная повседневная работа.

Но Агостини тысячу раз не прав, когда из констатирования вышеуказанного факта усиления буржуазии и ослабления массовых стихийных движений пролетариата он делает вывод, что обострения классовой борьбы вообще не последует, что победа пролетарской революции отодвинута чуть ли не на десятилетия, если не навсегда, что слабость пролетарского движения будто бы исчезнет, если революционеры будут продолжать работать вместе с реформистами. Агостини тысячу раз не прав, когда из правильно констатированного факта экономического кризиса и роста безработицы он делает неправильный вывод, будто в такое время никакая революционная борьба невозможна. III Конгресс Коминтерна в своих тезисах показал, что как неправильно было бы связывать массовое революционное движение исключительно с полосой экономических депрессий, так неправильно было бы и обратное толкование. И эти указания III Конгресса

Коминтерна имеют значение не только для Италии, но и для рабочего движения всего мира.

Да, в Италии и в ряде других стран комбинированными усилиями буржуазии и социал-демократов 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов массовое революционное пролетарское движение отброшено назад. Да, и в Италии, и в ряде других стран мы находимся в периоде *подготовки* решающих битв, а не непосредственно в самом процессе этих битв. Но, однако, отсюда не только не вытекает необходимость оставаться в одной партии с реформистами, но вытекает прямо противоположное. Да, буржуазная реакция подняла голову почти во всей Европе. Да, наступление капитала идет по всей линии. Но отсюда опять-таки не только не вытекает необходимость мирного сожительства в рядах единой партии с международным меньшевизмом, а вытекает прямо противоположное. В эпоху реакции, в эпоху упадка духа реформизм является еще гораздо более опасным врагом, чем в эпоху подъема. Оппортунист на то и оппортунист, чтобы стараться быть всегда с большинством. В момент, когда волна пролетарской революции поднимается особенно высоко, она увлекает за собою и часть реформистов. Несомненно, например, что и итальянские реформисты не все лукавили, когда они в 1919 году высказывались за III Интернационал и за пролетарскую революцию. Но зато, когда волна спадает, когда буржуазия берет за горло рабочих, тогда даже самые лучшие из реформистов становятся наиболее опасными врагами рабочего класса. Ибо они всегда и везде нашептывают ослабевшему рабочему: «сдавайся». Ибо они всегда и везде доканчивают путем внутреннего разложения ту работу, которую проделывает капитал, прямо беря рабочего за горло.

Возможно, что нынешнее крайне неустойчивое полуравновесие сорвется несравненно раньше, чем мы думаем. Горючего материала повсюду более, чем достаточно. Но Коминтерн должен быть «подкован на обе ноги». Он должен строить свою тактику так, чтобы она годилась и на случай более затяжного кризиса. Перейти к более

быстрому темпу, если этого потребует ход событий, мы всегда успеем.

Ни одного шага, который может сейчас помочь противнику удержать влияние над рабочими массами! Капитализм правит теперь *при помощи* желтых профсоюзов, *при помощи* Амстердама и Интернационалов II и II$^1/_2$. Уже по одному этому необходимо завоевать профсоюзы, вырвать их из под влияния «желтых». А если обострение всеобщего революционного кризиса пойдет быстрее,—тем легче будет нам пройти к непосредственно решающим боям.

Итак, нынешняя тактика Коминтерна характеризуется прежде всего следующим:

—*к массам, в самую гущу пролетарских и полупролетарских масс! Участие во всей будничной и мелкой борьбе пролетариата, хотя бы за самые ничтожные улучшения его жизни. Участие во всех организациях рабочих, начиная от Советов Рабочих Депутатов и кончая спортивными обществами и музыкальными кружками. Неустанная пропаганда идеи пролетарской диктатуры в каждой из этих организаций. Завоевание большинства рабочего класса на сторону коммунизма. Систематическое, упорное, неуклонное подготовление рабочих масс к предстоящим битвам. Кропотливая работа над созданием нелегальных организаций. Терпеливая, настойчивая работа по вооружению рабочих. Создание сильных самостоятельных коммунистических партий, очищенных от оппортунистов, центристов и полуцентристов. Завоевание прежде всего рабочих профсоюзов.*

Это и только это хотел сказать III Конгресс в развитие решений II Всемирного Конгресса Коминтерна. III Конгресс сумел сделать надлежащие практические выводы из изменившейся обстановки, он сумел приспособить тактику коммунистов к новой обстановке, он сумел призвать и подготовить партии к деловой работе на основе этой новой обстановки. В этом его великое историческое значение.

II. ПРАВЫЕ И ЛЕВЫЕ УКЛОНЫ.

Выше мы приводили отрывок из письма германского товарища, который говорит, что третий Конгресс отверг «теорию офензивы» и что в Германии это кое-где было принято, как осуждение не только этой теории, но и практической борьбы рабочих в марте 1921 года. На III Конгрессе, действительно, много спорили относительно теории офензивы. Необходимо точно уяснить, что именно в самом деле отверг Конгресс. На этом вопросе надо остановиться подробнее, тем более, что спор этот имел вовсе не только германский, но, несомненно, международный характер.

Сначала установим самые понятия, о которых спорили.

С точки зрения марксизма нет и не может быть коренной принципиальной разницы между понятиями «*наступательная* борьба против капитализма» и «*оборонительная* борьба против капитализма». Само это различие понятий весьма и весьма условно.

Вспомним, хотя бы, как ставили революционные марксисты в 1914—17 годах вопрос о наступательной и оборонительной войне между государствами. Социал-патриоты и каутскианцы, как известно, проповедывали ту мысль, что в каждой оборонительной борьбе социалисты должны быть на стороне «своего» отечества—и, кстати, при этом всеми правдами и неправдами доказывали, что в дан-

ной войне «их» отечество ведет несомненно оборонительную борьбу. Доказательство: противная держава послала «нашему» правительству такую-то провокационную ноту, противная держава на полтора часа раньше начала мобилизацию, войска противной державы сделали первый выстрел и т. п. Революционные марксисты в корне отвергали такую постановку вопроса. Они говорили: *любая* война может быть по внешности, с точки зрения стратегической и т. п., войной наступательной и в то же время в более глубоком историческом смысле слова быть войной справедливой, войной оборонительной. Таковы были, например, некоторые из национальных войн в XIX столетии, когда дело действительно шло о борьбе против иноземного гнета за создание национальных государств [1]).

И наоборот, легко представить себе любую войну, которая по внешности, с точки зрения стратегической и т. п., может носить характер оборонительный и которая в то же время в более глубоком историческом смысле слова, т.-е. по содержанию своему, будет на деле войной несправедливой, войной грабительской, войной наступательной.

Так обстоит дело с точки зрения войн между целыми странами или государствами. Вульгарная классификация никуда не годится в этой сфере. Тем более—в сфере борьбы между классами. С точки зрения социал-патриотов восстание, ну, скажем, хотя бы к примеру, финляндских рабочих в 1918 году против конституционной финляндской буржуазии является борьбой, несомненно, наступательной. Рабочий класс без всяких оснований «наступает» на бедненьких буржуазных конституционалистов—стало быть, сочувствие социал-патриотов всего мира бедненьким господам буржуа обеспечено уже с самого начала. Это не значит, конечно, что для нас вовсе не существует классификации на

---

[1]) См. нашу книгу «Война и кризис социализма», т. I.

оборонительные и наступательные битвы между трудом и капиталом. Но даже в экономической области одно часто переходит в другое. Возьмем пример хотя бы недавней стачки углекопов в Англии. Она началась потому, что владельцы копей решили понизить заработную плату рабочих, стало быть, началась—как борьба типично оборонительная. Но раз начавшись, она в течение некоторого времени имела стремление превратиться в стачку наступательную, а затем, в силу целого ряда факторов, закончилась опять-таки—как типично оборонительная стачка. Классификация нужна. Мы знаем, что в экономической области в общем и целом эпоха экономической депрессии является эпохой локаутов и оборонительных битв; эпоха промышленного подъема—эпохой стачек и битв наступательных. Все это так. Эти различия мы делаем и будем делать. Но вместе с тем мы говорим: тот, кто «принципиально» отказывается от наступления против капитализма, тот не социалист, тот лакей капитализма. Это подтвердил и не мог не подтвердить и III Конгресс Коминтерна. В этом смысле III Конгресс не отверг и не мог отвергнуть наступательную борьбу.

Что же в таком случае отверг III Конгресс?

Споры относительно тактики частью начались еще перед вторым Всемирным Конгрессом Коминтерна в 1920 году, но тогда споры носили иной характер, нежели перед III Конгрессом: мы говорим о русско-польской войне.

Начавшись, как война в стратегическом отношении для советской России оборонительная, она затем превратилась в войну со стратегической точки зрения наступательную—все время оставаясь в более глубоком, историческом смысле слова *оборонительной* войной российского пролетариата против польской и всемирной буржуазии. Война советской России с буржуазной Польшей в 1920 году поставила ребром вопрос о том, допустимо ли, чтобы победоносный рабочий класс одной страны «на остриях своих штыков» понес социализм в другую, еще

угнетаемую буржуазией страну. Летом 1920 года это был вовсе не праздный и вовсе не только теоретический вопрос. Когда советские армии приближались к Варшаве, вопрос этот имел глубочайшую актуальность. Ядро Коминтерна, и прежде всего русские большевики—ответили на вопрос, поставленный таким образом, вполне утвердительно: не только допустимо, но и необходимо, если только соотношение сил допускает это. Такая война, будучи по внешности иногда даже наступательной, будет в глубоком историческом смысле справедливой, оборонительной войной угнетенного класса против международных хищников капиталистов,—говорили мы. Против этого взгляда незадолго до II Конгресса появилась в берлинской «Die Rote Fahne» статья одного польского коммуниста, встретившая тогда сочувствие со стороны Пауля Леви и, повидимому, не его одного. По сути вещей устами названного польского автора говорил ограниченный, хотя и утонченный национализм. Вся его мотивировка доказывала это с наглядностью. Второй Конгресс не вынес по этому поводу официальной резолюции, но из всех его прений и всех решений было ясно, что Коминтерн целиком стоит за допустимость такой наступательной тактики.

Ход военных событий и развитие общественной жизни в Европе вообще, к сожалению, слишком быстро сняли с очереди эту проблему, по крайней мере, как вопрос чисто практический. Развитие Европы пошло по другому пути, чем это намечалось летом 1920 г. и чем этого хотели и ожидали лучшие из партий Коминтерна. Перед третьим Конгрессом вопрос о наступательной тактике стал уже в совершенно другом аспекте.

Незадолго до III Конгресса, в особенности, в связи с мартовскими событиями в Германии, стало складываться и оформляться направление, которое пыталось выдвинуть целую «теорию наступления». Тут дело шло уже не о допустимости наступательной борьбы рабочего класса против капиталистов вообще, не о допустимости на остриях штыков рабочего класса победившей страны

И. К. П.
Кабинет истории
Народов СССР
587

нести социализм в буржуазную страну, тут дело шло о чем-то совсем другом.

Со второй половины 1920 года массовое *стихийное* революционное движение явно начинает замедляться в своем темпе, по крайней мере в некоторых странах Европы. Разумеется, это будет не надолго. Уже сейчас, когда мы пишем эти строки, через каких-нибудь полтора месяца после III Конгресса, массовое движение вновь пробуждается. Мы видим громадную стачечную волну, охватывающую Францию, Польшу, Чехо-Словакию, Италию, ту же Германию и некоторые другие страны. Но, во всяком случае, с указанным замедлением приходится считаться.

И вот тут-то у наиболее нетерпеливых, в высокой степени преданных революции, но не всегда достаточно дальновидных элементов Коминтерна возникло такое направление умов.

— Стену пассивности должно-де пробить активное меньшинство смельчаков. Как раз теперь меньшинство, организованное в коммунистической партии, должно перейти в наступление, тогда лед-де тронется, и смелое меньшинство увлечет за собою всю массу.

Вместо конкретного анализа фактов, вместо трезвого учета всей обстановки, эти товарищи выдвигали в первую очередь субъективный фактор. Не желая и не умея вникнуть во все трудности обстановки, являющиеся производными от глубоко исторических факторов, эти нетерпеливые товарищи начали сначала робко, а потом и более громко проповедывать ту мысль, что именно теперь будто бы началась эпоха наступления par excellence и что для «активизации» движения надо только поскорее «начать», а там уже дело пойдет.

Весною этого года, как это теперь, при взгляде назад, уже вполне ясно, уклон этот начал сказываться в целом ряде стран. Он был даже вполне естественен на переломе от бурных 1919—20 г.г. к 1921 году, когда обстановка на короткое время начала складываться иначе. Он был, быть может, неизбежен — этот левый уклон. Но, тем

не менее, он стал бы крайне опасен, если бы Коминтерн во-время не принял соответствующих мер против него.

В Германии по целому ряду обстоятельств, о которых мы еще будем говорить ниже, уклон этот выразился особенно выпукло. Там расцвела и так-называемая «теория наступления», как мы ее охарактеризовали выше.

Вот именно эту-то неверную «теорию», и *только ее,* и отверг III Конгресс Коминтерна.

Он отверг ту неверную теорию, будто именно теперь мы вступили уже в эпоху перманентного наступления. Он отверг ту мысль, что заведомое меньшинство может в любое время и, в особенности, в такое время, как ныне переживаемое нами, смелой попыткой восстания уничтожить пассивность масс, преодолеть все остальные затруднения и победить в вооруженной схватке. Он отверг теорию «активизации» рабочего движения путем применения «сильно действующих» средств в обстановке, когда предпосылки для восстания отсутствуют.

В этом и заключается борьба III Конгресса против так-называемой «левой».

Это отнюдь не значит, что III Конгресс согласился с теми коммунистами, которые видят задачу всех наших партий в настоящее время только в чистой пропаганде. Нет, Конгресс превосходно отдавал себе отчет в том, что наши наиболее крупные партии *должны* готовиться к прямым боям, что бои эти неизбежны и необходимы в ближайшее время, и что никакие частные поражения в этих частичных боях, в конце-концов, не остановят нашей победы. Конгресс указал в своей тактической резолюции на то, что при нынешнем неустойчивом «равновесии» в Европе *любая большая стачка и даже любой крупный парламентский конфликт могут послужить увертюрой к революции, к непосредственной борьбе за власть.* События, как они развиваются после Конгресса, вполне подтверждают этот прогноз. Одного шального выстрела германского белогвардейца в депутата Эрцбергера оказа-

*

лось достаточно для того, чтобы нарушить все равновесие в Германии. И никто не удивится, если начинающийся кризис в более или менее коротком времени приведет в Германии к почти решающим битвам. Ничего невозможного нет и в том, чтобы громадная стачечная волна, начавшаяся в Польше, привела бы и здесь к такому кризису, который поставит ребром вопрос о переходе власти к рабочему классу. А начало пролетарской революции в Польше или в Германии, естественно, сразу обостряет во сто крат все положение и ставит на очередь все вопросы мировой пролетарской революции.

Все это предвидел, предсказал и учел III Конгресс Коминтерна. Но именно потому, что устойчивого равновесия в Европе нет, именно потому, что «стена пассивности масс» есть только воображаемая стена, именно поэтому особенно опасны необдуманные вооруженные выступления и авантюры, которые при нынешнем положении вещей могут только повредить коммунистам в глазах рабочих масс и, стало быть, помочь буржуазии.

Борьба против так-называемых левых уклонов вовсе не новость для Коминтерна. Уже на II Конгрессе Коминтерна мы повели решительную борьбу против этих уклонов, как они выразились в Коммунистической Рабочей Партии Германии, у Индустриальных Рабочих Мира, у Фабрично-заводских Комитетов Англии и у синдикалистов Франции и Испании. Эта борьба на II Конгрессе была проведена правильно и, поэтому, дала успех, приведший в наши ряды лучшие элементы вышеназванных организаций. На III Конгрессе нам пришлось вести борьбу против левых уклонов внутри самих коммунистических партий, и, мы уверены, успех будет не меньший...

— Но, говорили нам на III Конгрессе, стоит ли так страстно воевать против левых уклонов, когда эта «левая» вовсе не так велика и когда правая, напротив, еще очень сильна? Направо от себя Коминтерн имеет, говорили нам, и германскую социал-демократию, и Амстердам, и весь второй Интернационал, и Интернационал 2½, и итальянское большинство и т. д. А налево — налево

только маленькие группы и, притом, воодушевленные самыми горячими желаниями и необычайной преданностью Коминтерну. Это рассуждение слишком упрощенно. Нам приходилось на это указывать уже в нашей речи по тактическому вопросу на самом Конгрессе. Дело не в том, *сколько* организаций стоят еще направо от нас и сколько заражены «левым» уклоном, дело в том, какие опасности заложены *по их внутренней тенденции* в том и другом уклоне. *Конечно,* главный враг стоит направо, конечно, всем своим фронтом Коминтерн всегда ведет борьбу направо: против буржуазии, против Амстердама, против Интернационала 2 и $2^1/_2$, против Гомперсов, Шейдеманов и К⁰. Но именно для того, чтобы победить в этой основной борьбе, Коминтерн должен иметь тактику, свободную и от «левых» уклонов. *Конечно,* правая является основным, главным врагом. Это, как выражаются немцы, der Feind. Борьба против буржуазии есть вместе с тем борьба против ее агентов из 2 и $2^1/_2$ и Амстердамского Интернационалов. Все это так. Но в том-то и дело, что «левый» уклон, сам того не желая и не подозревая, *помогает правому,* мешает нам побороть его.

Дело, говорим мы, не в количестве сторонников, так-называемой, крайней левой, дело в тенденции. Маленький пример лучше всего пояснит дело. На II Всемирном Конгрессе Коминтерна мы определяли свое отношение к профсоюзам. Всякий разумный коммунист теперь понимает, что, не завоевавши изнутри профсоюзов, мы не можем победить и буржуазию, стало быть, и социал-патриотов. Но уже на Втором Конгрессе сложилась группа, которая боролась против нашего участия в профсоюзах и более или менее отчетливо выдвигала лозунг выхода коммунистов и революционеров вообще из профсоюзов. За этот мнимо «левый» лозунг на II Конгрессе Коминтерна стояли некоторые немцы, англичане и американцы. Их было немного, они были маленькой группой на II Конгрессе. В смысле количественном эта крайняя «левая» была совсем неопасна. Но представим себе на одну минуту, что II Конгресс не учел бы опасности этой мнимо-

левой тенденции в вопросе о профсоюзах, не заметил бы ее, прошел бы мимо нее, или отнесся к ней с некоторой терпимостью. Что бы получилось? Губительные последствия для Коминтерна были бы неисчислимы. Вместо того, чтобы начать действительное завоевание профсоюзов, как мы его начали и за год все же продвинули сильно вперед, вместо этого мы предоставили бы профсоюзы Гомперсам, Жуо, Дарагонам, Фимменам и К°. Количественно эта мнимо-левая на II Конгрессе была ничтожна, но тенденция, которую она представляла, была в высшей степени опасна для будущих судеб Коминтерна.

То же самое в еще большей мере приходится сказать о так-называемом левом уклоне, как он сформировался перед III Конгрессом.

Налицо—очень сложное и трудное положение в рабочем движении всего мира. Коммунистам надо суметь точно и ясно отдать себе отчет в сложности положения и найти новые пути подхода к массам. Вместо этого, нетерпеливая «левая» действовала так, что могла выпустить в трубу весь накопленный организационно-партийный капитал, не только не привлекши этим массы, но, наоборот, надолго оттолкнувши их именно в лагерь социал-патриотов и центристов..

III Конгресс Коминтерна, безусловно, обязан был выпрямить линию и, поскольку это было неизбежно, объявить решительную борьбу «левому» уклону. Ряд товарищей, в том числе и руководители Объединенной Германской Коммунистической Партии, несомненно, погрешили только в одном: они неправильно учли момент. И поскольку они не настаивают на своей ошибке и открыто сдают фальшивую «теорию наступления» (а мы имеем все основания утверждать, что значительная часть германских товарищей от этой ошибки действительно отказалась), постольку вопрос может считаться исчерпанным, и Коминтерну остается только учесть и использовать уроки сделанных ошибок. Но поскольку в Германии (группа т. Маслова) и, может быть, также в дру-

гих странах [1]) найдутся товарищи и группы товарищей, желающих возвести в теорию совершонную ошибку, сделать из нее перл создания, заупрямиться на этой «левизне», постольку против этого «направления», очень похожего на русский отзовизм, Коминтерну придется повести самую упорную борьбу.

Что такое был отзовизм в русском рабочем движении?

Иностранным товарищам, которым теперь очень хорошо известно направление, характеризуемое словом меньшевизм, придется более детально ознакомиться и с другим направлением, которое характеризовалось словом отзовизм. В разгар контр-революции в России, в 1908 году, от большевиков откололась группа крайних «левых» товарищей, которые обвиняли нас, большевиков, в оппортунизме и которые требовали «отзыва» членов с.-д. думской фракции из Государственной Думы (отсюда и название «отзовисты»). Еще до этого, эта же группа «левых» большевиков пропагандировала бойкот выборов в третью Государственную Думу, находя, что

---

[1]) Образец того, как не следует вести коммунистическую пропаганду, дает газета «Борьба», орган Коммунистической Партии в Люксембурге. В номере от 20 июля 1921 г. передовая статья под заглавием «Путь Революции» кончается следующими словами, напечатанными крупными на подобие афиши буквами:

«Поэтому, рабочие Люксембурга, в союзе с вашими братьями соседних стран прежде всего соберите вашу волю к борьбе, собирайте оружие всех сортов:

— винтовки!
— ручные гранаты!
— пулеметы!
— пушки!

устраивайте нелегальные боевые организации

— на всех улицах!
— на всех заводах!
— во всех районах!
— во всей стране!

Промышленные и сельские рабочие, готовьтесь к гражданской войне («Der Kampf» № 35).

Ясно, что ни одной пушки и даже ни одной ручной гранаты от такой крикливой «агитации» у рабочих не прибавится. А над такими «левыми» коммунистами справедливо посмеются.

участие в выборах в такую Думу будет равносильно измене рабочему классу.

Иностранные «левые» товарищи иногда полагают, что отзовизм исчерпывался бойкотизмом. И так как эти иностранные товарищи бойкота парламентских учреждений в нынешнее время не предлагают, то эти нынешние «левые» считают, что они будто бы ничего общего с отзовизмом не имеют и что мы возводим на них напраслину, сравнивая их с отзовистами. Дело обстоит в действительности не так просто. Бойкотизм в самом деле был одной из характернейших черт отзовистского направления, но бойкотизмом не исчерпывалось это направление.

Отзовизм в России родился и расцвел как раз в те годы, которые лежали между двумя волнами революции. В 1906—7 г.г. окончательно улеглась революционная волна, так высоко поднявшаяся в 1905 году. В 1911—12 г.г. уже начинается новый подъем, который со времени Ленской стачки начинает нарастать очень бурно. Между 1907 и 1911 годами лежит целая тяжелая полоса злейшей реакции, упадка также и среди рабочих, роста меньшевистских (ликвидаторских, как тогда выражались) настроений, измен, частичных поражений и т. п. В эти четыре года царизм и буржуазия пытались уничтожить большевизм раз навсегда. Они дали известную монополию легальности меньшевикам и преследовали всякими бичами и скорпионами нас, большевиков. Они вызывали нас на преждевременную борьбу—с тем, чтобы затопить в крови рабочих большевистское движение и лишить нас каких бы то ни было корней в рабочем классе. Между Столыпиным, русской либеральной буржуазией (кадетами), меньшевиками и правыми эсерами установилась довольно сложная и тонкая кооперация, направленная именно к тому, чтобы лишить большевиков всякой базы в массовом рабочем движении, превратить их в окостенелую секту, заставить их выродиться в бессильных и бесплодных крикунов. В это время нашей задачей было—во что бы то ни стало удержать тесную связь с рабочими массами, сохранив в то же время верность революю-

ционному знамени. Мы должны были научиться, не хныкая и не фанфаронствуя, принимать участие во всех хотя бы самых будничных легальных и полулегальных организациях рабочих; мы должны были разоблачать на каждом шагу предательство меньшевиков. Но вместе с тем мы должны были ни в коем случае не ограничиваться фразой, а быть в первых рядах в мелкой кропотливой будничной работе *и* в парламентской думской фракции, *и* в легальных и полулегальных профсоюзах, *и* в кооперативах, *и* в рабочих клубах, *и* в гимнастических и музыкальных обществах, *и* в подцензурной рабочей печати, и т. д. и т. п. В рядах отзовистов тогда было не мало превосходных, глубоко преданных революции рабочих. Да и среди руководителей отзовистов было не мало старых партийных работников, интеллигентов-большевиков, которые впоследствии вернулись в наши ряды. Но в эти, хотя и тяжелые, переходные мрачные годы, когда по-истине решалась будущая судьба большевистской партии, крайние «левые» отзовисты на деле губили большевизм и помогали меньшевикам. Своей революционной нетерпеливостью, своим забеганием вперед, своей попыткой поставить партию под удары тогда, когда массы еще не были готовы к борьбе, своим глупым бойкотизмом, своей революционной фразой, своей нелепой теорией, будто можно «активизировать» движение тем, что небольшая партия попытается *заменить* собою большие рабочие массы,—всем этим отзовизм в указанную эпоху был чрезвычайно опасен для революции.

И мы, большевики, вынуждены были провести длительную и очень ожесточенную борьбу против отзовистского «левого» уклона. Дело дошло до прямого раскола. Официально расколовшись с нами, отзовисты очень скоро логикой вещей и логикой своей внутренне фальшивой позиции пришли к тому, что стали блокироваться с меньшевиками против нас. Чем ближе становился новый подъем революции, тем больше увядал отзовизм, тем решительнее лучшие рабочие, поддерживавшие раньше отзовистов, стали

возвращаться в наши ряды — в ряды большевиков. Они увидели, как правы были мы против левых крикунов. Они убедились в том, что, только благодаря нашей тактике, связь с массами была сохранена и партия наша уцелела, не как секта левых фразеров, а как *руководительница масс*. Вторая революция в России фактически начиналась уже до войны 1914 года. Война только ускорила ее. Сила большевистского ядра заключалась в том, что партия удержала связь с массами в самое тяжелое время, а потом через несколько лет повела весь рабочий класс в решительный бой против буржуазии и в октябре 1917 года одержала победу.

Мы хорошо сознаем, что переживаемая международным рабочим классом эпоха в очень и очень многом разнится от той эпохи, которую переживала русская революция в 1907—1910 г.г. Мы ни на минуту не забываем, что империалистская война и последовавшие за войной революционные события очень и очень многое изменили. Мы вовсе не хотим проводить полную параллель, мы не ставим знака равенства, мы не оперируем с упрощенными сравнениями, но мы говорим: *при всем различии* есть и черты сходства между той эпохой в русской революции, о которой мы говорим, и нынешним международным положением.

В общем и целом международный рабочий класс сейчас также, несомненно, переживает полосу *между* двумя революционными подъемами. Массовый стихийный подъем, который начался к концу империалистской войны и который потрясал всю Европу в течение 1—2 лет, теперь кое-где улегся и, во всяком случае, принял более спокойные формы. В целом ряде стран буржуазия перешла в наступление против рабочих. Буржуазная реакция неистовствует во всю. Фашизм, Оргеш, и т. п. белогвардейские буржуазные организации не спасут, конечно, капитализм от гибели, но эти организации и их расцвет все-таки стали возможны только теперь, когда буржуазия окрепла и когда она местами отбросила нас в дефензиву.

Это вовсе не значит, что революция кончилась, как думают Гильфердинги и К°, это вовсе не значит, что 1919 — 20 г.г. были высшим пунктом революционного подъема и что далее предстоят только уже революционные будни, во время которых рабочие должны будто бы придерживаться трезвой тред-юнионистской, или, что то же, социал-демократической тактики. Нисколько! В 1908—9 г.г. Столыпинская реакция в России была в апогее своих успехов. Меньшевики проповедывали, что революция кончена, что мы должны начать бороться за конституционную монархию, стать умеренной и аккуратной, прилизанной, благонадежной, «европейской» социал-демократической партией. Мы же, большевики, борясь против «левого» уклона, ни на минуту не упускали из вида того, что объективные задачи, поставленные революцией 1905 года, *не* разрешены, что накопляется новый горючий материал и что ход общественного развития неизбежно приведет к новой, гораздо более могучей революции, чем в 1905 году.

То же и теперь—в международном масштабе. Германская социал-демократия печатает проект новой программы, который даже слепому показывает, что из социалистической партии германская социал-демократия на глазах у всех открыто превратилась в *буржуазно-демократическую партию мирных реформ.* Слепорожденные «вожди» германской социал-демократии тщательно избегают употреблять в своем проекте новой программы даже слово «классовая борьба», они боятся классовой борьбы, как чорт—ладана. Они до глубины души убеждены в том, что буржуазия уже полностью преодолела все послевоенные трудности и что буржуазный строй будет жить еще 100 лет, постепенно «обновляясь» и «демократизируясь». Из этой же перспективы, в сущности говоря, исходят независимые социал-демократы Германии и весь вдохновляемый ими $2^1/_2$ Интернационал. Когда Криспин еще в Галле сравнивал нынешнее положение с положением вещей в Европе в 1849 году, он и хотел этим сказать, что, как тогда волна революции

завершилась 1848 годом, так и теперь волна революционного движения окончательно завершилась 1919 годом. Совершенно так же рассуждают и итальянские реформисты, а вместе с ними и Серрати. Постановка вопроса опять-таки во многих отношениях напоминающая ту постановку, которую давали русские меньшевики в указанные годы реакции. Мартов и Дан уже тогда ставили вопрос: что переживаем мы—1847 г. или 1849? И, не запинаясь, отвечали: разумеется, 1849-ый год! 1847 год это должно было означать *канун* революции, 1849 год—*конец* революции. Большевики ошиблись тогда в темпе, когда они полагали, что новая революция начнется гораздо скорее, чем она в действительности началась. Никто не мог знать, что контр-революция в России после 1905 года продлится целое десятилетие. Большевики не могли предсказать точно, два, или четыре, или десять лет продлится создавшееся тогда неустойчивое равновесие. Но они, как марксисты, вполне могли предвидеть и предвидели, что вторая революция неизбежна, и в этом смысле были правы, когда отвергли гипотезу о «1849 годе».

То же и теперь. Не будучи пророком, никто из нас не может сказать точно, сколько месяцев или лет пройдет до первой новой победы пролетарской революции в первой из тех крупных стран, которые действительно определяют судьбы мировой революции. Но одно мы знаем твердо, и новый учет экономического положения Европы на III Конгрессе нас еще и еще раз убедил в этом: *революция не кончена; не так далеко время, когда начнутся новые бои, которые потрясут Европу и весь мир гораздо больше, чем все предыдущие бои вместе взятые.*

III Конгресс Коминтерна на основе самого трезвого учета всех основных факторов развития пришел к непоколебимому убеждению, что она не за горами...

В разгар контр-революции в России, в 1907—11 г.г. большевики говорили: объективно положение продолжает оставаться революционным. Задачи революции не

разрешены. Наша основная перспектива, наша путеводная звезда, обусловливающая всю нашу программу и всю нашу тактику, это — *неизбежность новой революции*. Сейчас временно создалось крайне неустойчивое полуравновесие. Но именно потому, что новая революция неизбежна, мы, как партия, мы, как авангард рабочего класса, продолжаем класть нашу гирьку на чашу весов революции, и раньше или позже наша чаша весов перетянет.

Такова же, в основном, та постановка вопроса, которую III Конгресс Коминтерна принял теперь в международном масштабе. Всякий, кто хоть отдаленно отрекся от самой перспективы новой революции, тот перестал быть коммунистом, тот перешел в лагерь 2 или $2^1/_2$ Интернационала, тот нам не товарищ. В этом смысле борьба против правой остается доминирующей над всем остальным. Но именно для того, чтобы наша подготовка *победоносной* пролетарской революции не превращалась в фразу, мы должны провести такую же идейную борьбу против «левого» уклона, которую в свое время большевики провели против отзовистов.

Сравнение—отнюдь не притянутое за волосы! Микроб отзовизма носится в воздухе. Нео-отзовизм *должен* был родиться в такую трудную, мучительную полосу, которую переживает сейчас международное рабочее движение. И лишь в том случае, если наиболее передовая часть коммунистов сумеет своевременно учесть уроки прошлого, мы сможем, так сказать, сократить издержки производства и съэкономить Коминтерну внутреннюю борьбу.

Это и только это хотел сказать III Конгресс Коминтерна своей борьбой против так-называемой «левой». Когда тов. Хеглунд в газете «Politiken» (№ 149) пишет, будто Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии на III Конгрессе представлял «более умеренное» направление, когда он говорит, что «главная мысль этого направления, коротко говоря, заключается в том, что мировая революция потребует более длительного периода революционных битв, и что, поэтому, наша тактика должна быть установлена на более дальний при-

И. Н. Б.
Кабинет ист.
Народов СССР

цел («på längre sikt») и не должна исходить из перспективы непосредственно предстоящего переворота», — когда тов. Хеглунд говорит это,—он смешивает правильное с неправильным. Что мировая революция займет целую длительную эпоху революционных битв, это коммунисты знали еще до победы русской революции, об этом Циммервальдская левая говорила еще в 1915 году. В этом смысле нашей тактике вовсе незачем брать «более дальний прицел». «Прицел» может остаться прежним...

III. ГЕРМАНИЯ.

Остановимся еще подробнее на линии Коминтерна в ее применении к рабочему движению в наиболее важных в данное время для мировой революции странах. Из отдельных стран на III Конгрессе более всего внимания было уделено Германии, Италии, Франции, Чехо-Словакии.

Позицию, занятую III Конгрессом по отношению к коммунистической партии *Германии,* можно понять только в том случае, если мы не будем забывать хода развития коммунизма в этой стране. На III съезде Коминтерна мы все покачивали головами по поводу тех больших и очень опасных ошибок, которые, без сомнения, допустила объединенная Коммунистическая Партия Германии в мартовские дни. Но нельзя забывать, что во время II-го Конгресса Коммунистического Интернационала мы опять-таки все еще с большим единодушием упрекали тогдашнюю Коммунистическую Партию Германии (Союз Спартаковцев) и левых Независимых (которые уже тогда стояли одной ногой в лагере коммунизма) совершенно в другом.

Во время III Конгресса мы упрекали немецких товарищей в излишней нетерпеливости, а во время II Конгресса мы упрекали их, в связи с Капповскими днями, в чудовищной пассивности. В самом деле, кто не помнит, как слабо и безвольно было поведение германских коммунистов в памятные Капповские дни. Общая обстановка как нельзя более благоприятствовала тому, чтобы коммунисты сыграли крупную роль в эти Капповские дни. Наглое выступление белогвардейцев наполнило негодованием всех рабочих Германии. Как будто электрическая искра пролетела по рядам рабочих и сплo-

тила их всех в единую массу. Предшествующее Капповским дням поведение шейдемановцев и правых независимых было неслыханно позорным. Единственной, не скомпрометировавшей себя в глазах рабочих, партией была партия коммунистов. И тем не менее, мы видели такое из рук вон пассивное поведение. В сущности говоря, Германская Коммунистическая Партия в те дни совершенно спасовала перед событиями, она топталась на месте, она не сыграла *никакой* политической роли в те дни небывалого кризиса, которые всколыхнули до дна весь рабочий класс Германии. После долгих колебаний партия родила тогда пресловутый лозунг «лояльной оппозиции»—лозунг, в гениальность которого в наши дни не верят уже, кажется, даже авторы его... и пишущий эти строки вспоминает, как во время II Конгресса на совместных заседаниях русской и немецкой делегаций, а также и на всех других заседаниях, занимавшихся этим вопросом, мы все единодушно критиковали это неслыханно пассивное поведение тогдашней Германской Коммунистической Партии.

Мартовская акция 1921 г. была до известной степени антитезисом к поведению партии в Капповские дни. «Тезис» (тактика партии в Капповские дни) был из рук вон плох. Антитезис (тактика партии в мартовские дни 1921 г.)—немногим лучше. Остается пожелать—и III Конгресс сделал все от него зависящее для того, чтобы это исполнилось—чтобы предстоящий синтез в тактике Германской Коммунистической Партии был действительно революционным, подлинно марксистским.

История германского коммунизма, полная отдельных, высоко трагических моментов, глубоко знаменательна вообще.

Германская Коммунистическая партия, как партия, родилась слишком поздно, как и вообще раскол в рабочем движении Германии пришел слишком поздно. И все развитие молодой Германской Коммунистической партии протекало как бы *толчками*, порывисто. В памятные

январские дни молодая, едва сложившаяся Германская Коммунистическая партия, завоевавшая, однако, большое моральное влияние в германском рабочем классе, в трудный для революции момент, не задумываясь, пытается одна на свои неокрепшие плечи поднять громадную тяжесть решающей битвы—тяжесть, которая была бы по силам только большинству всего рабочего класса. Молодая, еще не закалившаяся в боях партия надорвалась при этой попытке поднять тяжесть большую, чем ее силы позволяли. Она потеряла при этом своих лучших вождей. Дальнейшая внутренняя борьба в рядах германских коммунистов показала, насколько дальновидно действовала германская буржуазия, когда она одним ударом обезглавила самую опасную для нее партию. Буржуазия и господа социал-демократы отлично использовали это первое большое поражение германских коммунистов. Удары градом посыпались на голову молодой Коммунистической партии. Не успевши оправиться от страшнейшего разгрома, партия входит в полосу громадного внутреннего кризиса—без общепризнанных вождей, без большой организационной традиции, в труднейшей и сложнейшей обстановке. Происходит раскол с так-называемыми левыми, образуется К. А. Р. D. У партии оказалось недостаточно умения и дальновидности для того, чтобы удержать в своих рядах наиболее ценные революционно-пролетарские элементы, которых легко можно было в то время отбить от К. А. Р. D., если бы руководство находилось в более серьезных руках, чем Леви. Партия обескровлена, партия обезглавлена, партия попадает в труднейшее положение. Апогеем ее безволия является уже отмеченное поведение ее в Капповские дни.

Но она все-таки *единственная* коммунистическая партия. Руководясь общими принципами революционного марксизма, она *единственная* правильно предвидит путь, и это дает возможность ей, численно небольшой партии, при поддержке Коминтерна в 1920 г. одним ударом перевести на свою сторону несколько сот тысяч лучших рабочих из Независимой партии. В марте 1921 года

Объединенная Коммунистическая партия делает новую попытку поднять на свои плечи непосильную тяжесть. Новый порыв—новое поражение. Развитие коммунизма в Германии идет толчками именно потому, что партии приходится действовать в обстановке, когда социал-демократы, независимые, вожди профсоюзов имеют в своих руках могучую организацию и при поддержке буржуазии очень хитро маневрируют против коммунистов. В марте наша партия в Германии безусловно потерпела поражение. Но это поражение, в отличие от мнения Леви, не только не было катастрофическим, но уроки его при правильном учете сами могут стать исходным пунктом для новых и больших успехов Коммунистической Партии Германии.

Леви сделал себе профессию из того, чтобы доказывать, что после мартовских дней Коммунистическая Партия Германии окончательно погибла. Он видит чуть ли не вопрос личной чести в том, чтобы доказать этот столь приятный для уха буржуазии тезис. На самом деле, это утверждение есть утверждение обозленного ренегата, отшвырнутого партией и принимающего свой личный идейный крах за крах целого направления. Сколько раз в ходе нашей длительной многолетней борьбы в России Мартов и К°, как дважды два, доказывали нам, что после такого-то поражения мы, большевики, как партия, на этот раз уж с полной несомненностью и безусловно раз и навсегда погибли. А мы упорно не хотели погибать, мы оказались гораздо более живучи, чем на это надеялись и Мартов и русская буржуазия, и мы довели рабочий класс до октябрьской победы. Так будет и с Германской Коммунистической Партией.

Расхождение коммунистов с Леви было несравненно глубже, чем спор о том, надо ли было, или не надо было в марте выступать. Уже по одному этому совершенно неверно утверждать, будто III Конгресс по существу дела, т.-е. в вопросах принципов, встал на точку зрения Леви и осудил его лишь за нарушение дисциплины. Леви уже в пору II Всемирного Конгресса Коминтерна был, в сущ-

ности говоря, не вполне осознавшим себя меньшевиком. Это выражалось во всем: и в его отношении к 21 пункту, и в его оценке тогдашней пассивной тактики германских коммунистов, и в его полном непонимании тактики Коминтерна по отношению к революционному синдикализму и к левым элементам вообще, — тактики, которая так и осталась для Леви книгой за 7-ю печатями. Его меньшевистская натура выразилась впоследствии в его отношении к Независимым, с которыми он скоро стал сговариваться против коммунистов, а затем в его отношении к итальянскому вопросу, к измене Серрати, к вопросам централизма в рабочем движении вообще и в Коминтерне в частности и т. п. И, наконец, в последнее время Леви докатился до вполне законченного меньшевизма, когда он стал высказываться против экономической политики Советского правительства, за предоставление «свободы» русским меньшевикам, т.-е. за отказ от диктатуры, против образования красного Профинтерна, т.-е. за Амстердам и т. д. Леви по всей линии перешел к меньшевизму— писал недавно в своей статье «Старые ошибки» тов. Ленин. Это несомненно так и есть. И те из нас, которые «по долгу службы» обязаны были следить за эволюцией Леви более внимательно, констатировали это уже несколько месяцев тому назад. III Конгресс Коминтерна резко разошелся с позицией Леви во всех названных нами выше вопросах. Уже из одного этого ясно, как насилуют правду те, которые пытаются утверждать, будто III Конгресс «принципиально» согласился с Леви.

Не правы и те, которые утверждают, что, по крайней мере, в одном вопросе наш Конгресс одобрил точку зрения Леви — это в вопросе о K. A. P. D. Нисколько! Сам Леви писал после III Конгресса: K. A. P. D. осталась-де теперь такой же, какой она была тогда, когда ее принимали, как сочувствующую партию в Коминтерн, а между тем, Коминтерн изменил свое отношение к этой партии. Это неправда. K. A. P. D. была принята, как сочувствующая партия, в Коминтерн в тот момент ее развития, когда она по требованию Исполнительного Комитета исклю-

*

чила из своих рядов Лауфенберга, Вольфгейма, Рюлле и компанию, т.-е. исключила как раз ту именно полуанархическую группу, которая более всего скатывалась к национализму и контр-революции. Теперь верхи К. А. Р. D. проделывают попятную эволюцию в сторону Лауфенберга и Рюлле, теперь и их должна постигнуть та же судьба, которая постигла Лауфенберга и К°. Опыт, проделанный Исполкомом Коминтерна с принятием в наши ряды, как сочувствующей партии, К. А. Р. D., отнюдь не пропал даром. За это время многие из лучших рабочих, примыкавших к К. А. Р. D., перешли в наши ряды. И за это время, что главное, мы показали всем искренним левым пролетарским элементам во всем мире, что Коминтерн *хочет* сотрудничества *с ними, что,* товарищески указывая им на ошибки и борясь против их заблуждений, он отнюдь не практикует по отношению к ним той тактики, которая была привычна во II Интернационале. Крикливые «вожди» К. А. Р. D. уходят из Коминтерна теперь — изолированные, обессиленные и обезвреженные. Шум по поводу образования «4-го Интернационала», поднятый теперь Гортером, Шредером и другими крикунами, просто смехотворен...

С Леви мы разошлись по тем же мотивам, по которым мы расходимся со всеми меньшевиками. Разумеется, Леви приходил к меньшевизму постепенно. Никогда не бывает так, чтобы человек ложился спать коммунистом, а на утро встал готовеньким меньшевиком. На то, чтобы пройти путь от коммунизма к меньшевизму, всегда требуется известное время. Вначале расхождения казались частными, мелкими и случайными. Теперь же, оглядывая путь, пройденный г. Леви со второго до третьего Конгресса, остается только удивляться, как быстро этот путь пройден, и остается еще раз повторить: die Todten reiten schnell (мертвецы шагают быстро).

Леви конченный для нас человек. Мертвый в гробе мирно спи... Но изжит ли кризис внутри Германской Коммунистической Партии? Изжиты ли полностью те разногласия, которые мы имели с представителями

этой партии по поводу мартовских дней. Партейтаг в Иене должен был дать ответ на этот вопрос. В момент когда мы пишем эти строки, мы информированы об итогах работ Иенского партейтага пока еще только из печати. Насколько мы можем судить по дошедшим до нас данным, кризис близок к тому, чтобы быть изжитым. Самое трудное остается как будто позади. И думается, что Коммунистическая Партия Германии в достаточной степени идейно сильна, чтобы она могла дать отпор таким «конфузии-советникам», как «левый» тов. Маслов. В резолюциях, принятых Иенским партейтагом, явно еще не стерты следы, оставленные «левым» уклоном [1]). Но в общем и целом несомненно, что партейтаг обнаружил искреннее желание добросовестно проводить линию, намеченную III Конгрессом. Воля к борьбе, которая сквозила в речах наиболее непримиримых делегатов партейтага, подлинных пролетариев, связанных с «низами», заслуживает, разумеется, только полной похвалы. Партия консолидируется, партия заканчивает целый период шатаний и разброда, партия выходит на широкую дорогу. Исполком Коминтерна, разумеется, окажет самую горячую поддержку новоизбранному Центральному Комитету Германской Коммунистической Партии в его тяжелой борьбе и вообще сделает все возможное для того, чтобы облегчить трудную, ответственную, но в высшей степени почетную и благодарную работу германских коммунистов.

---

[1]) В первоначальном проекте резолюции о ближайших задачах партии, предложенном делегацией округа Wasserkante, содержится, например, такое место. После перечисления ряда условий, благоприятствовавших, по мнению авторов резолюции, нарастанию революционной борьбы и образованию единого рабочего фронта, авторы резолюции пишут: «не хватает только *(только!)* единого, готового к борьбе, волевого центра, и массы трудящихся пошли бы в бой единым фронтом». («Es bedarf nur eines zusammenfassenden kampfbereiten Willenszentrums, und die grosse Masse des werktätigen Volkes würde in einer Kampfbereiten Einheitsfront aufmarschieren»).

Нет, дорогие товарищи, в Германии не хватает *еще многого*, многого другого, а не только «волевого центра». И что за терминология! У нас в России слова о «волевом центре» чаще всего употребляли левые эсеры.

Леви и его наиболее неумеренные поклонники исключены из Германской Коммунистической Партии. Но вместе с тем не подлежит сомнению, что часть его сторонников в партии еще осталась. Сейчас конфигурация такая: группа исключенных «левитов» действует самостоятельно с развязанными руками; в то же время другая группа «левитов» осталась внутри старой партии, образуя в ней, хотя и небольшое, правое крыло. Непримиримые левиты, таким образом, через оставшуюся в партии группу имеют свои щупальцы в старой организации. И та и другая группа «левитов» не имеют почти никакого влияния в массах. Но такая конфигурация, нечего от себя скрывать это, все же таит в себе некоторые опасности. Партия обязана сделать все от нее зависящее для того, чтобы ценой всех допустимых—личных, организационных и иных—уступок перевести полностью на свою сторону тех из бывших сторонников Леви, которые остались в партии [1]). Партийное большинство должно проявить достаточно терпимости и лойяльности ко всем тем, кто хочет честно и искренно исполнять решения III Конгресса и Иенского партейтага. Но вместе с тем партия должна ясно видеть все опасности положения. В настоящее время положение таково, что, быть может, и «левый уклон», локализированный теперь в небольшой, хотя и крикливой Масловской группе, и правая оппозиция, оставшаяся внутри партии, очень скоро будут ассимилированы и товарищи, представляющие оба эти уклона, станут дружно дисциплинированно работать в общих рядах и шеренгах. Но возможно и обратное. Возможно, что потенциальная опасность, которая заложена в обоих этих уклонах, разовьется, и тогда ядро партии обязано будет провести *длительную* борьбу против этих уклонов...

---

[1]) Не можем здесь не отметить с величайшим удовольствием, что тов. Кл. Цеткин на партейтаге в Иене целиком выполнила те обязательства, которые она взяла на себя в Москве.

IV. ИТАЛИЯ.

Перейдем к *Италии,* проверим на примере Италии тактику Коминтерна, как она велась до III Конгресса и как она намечена на самом Конгрессе. Мы уже указывали на III Конгрессе, что итальянский вопрос в истекший год был самым важным вопросом, что в лице Серрати и его группы мы имели, быть может, последних могикан $2^1/_2$ центристского Интернационала, которые сами себя почему-то считают сторонниками III Интернационала. Мы указывали—и это не было ни малейшим преувеличением,—что отказаться от тех требований, которые предъявил Исполком Коминтерна Итальянской Социалистической Партии, означало бы для III-го Итернационала стать на колени перед идеологией Интернационала $2^1/_2$.

Мы помним, что тактика Коминтерна в итальянском вопросе не сразу была понята всеми нашими сторонниками. Что против нас спорил Леви, в этом нет ничего удивительного. Еще на II Конгрессе Коминтерна Леви и Серрати фактически часто составляли единую группу. Но даже такие дальновидные наши друзья, как старый и всеми уважаемый друг т. Клара Цеткин, не сразу присоединились к нам в этом вопросе. Еще и теперь после III Конгресса делаются иногда попытки представить положение вещей так, будто какие-то серьезные ошибки все-таки были совершены Исполкомом Коминтерна в итальянском вопросе. В этом смысле, повидимому, говорила и т. Цеткин на партейтаге в Иене. Не из желания быть всегда правыми (мы не страдаем Rechtshaberei [1])), не потому, что мы стесняемся признавать свои ошибки в тех случаях, когда действительно их совершали, но потому, что вопрос поистине имеет громадную важность, мы попытаемся ниже доказать полную правоту тактики Коминтерна в итальянском вопросе.

---

[1]) Желание всегда считаться правым.

Как встал вопрос после Ливорно? Нас упрекали в том, будто раскол, происшедший в Ливорно, был искусственным расколом. Нас заверяли, будто Ливорно ребром поставил перед Коминтерном вопрос: «секта или массовая партия». И нас порицали за то, что мы якобы не понимаем преимуществ массовой партии перед сектой.

Мы отвечали, что мы хотим не секты, а массовой партии, но массовой партии—*революционной, коммунистической*. Итальянская Социалистическая Партия, которой руководит Серрати, проделала попятное развитие и стоит пред нами теперь, как заурядная «независимая» социалистическая партия, нисколько не лучше, а в некоторых отношениях хуже, чем была Независимая Партия в Германии *перед* ее расколом в Галле.

Мы требовали ультимативно исключения итальянских реформистов.

Что же показало позднейшее развитие? Правы ли были те, которые говорили, что Серрати и его группу оттолкнула только «грубость» Исполкома, или недостаточно умелое выступление тех или других представителей Исполкома в Ливорно? Нет, мы утверждаем, что последующее развитие доказало полную правоту *нашей* точки зрения, когда мы утверждали, что мы здесь имеем дело с гораздо более глубокими явлениями. Тут дело не в отдельных бестактностях, а дело в том, что Итальянская Социалистическая Партия стала центристской партией.

Возьмите подготовку съезда Итальянской Социалистической Партии в Милане. О чем спорят в Итальянской Социалистической Партии? О программе Коминтерна, о способах лучшего применения резолюций III Конгресса, о диктатуре пролетариата? Ничего подобного! Спор идет о том, признать ли, или нет вполне официально от имени партии допустимость «коляборационизма», т.-е. открытого вхождения социалистов в буржуазное министерство и неприкрытого никаким флером сотрудничества классов. Уже одна эта постановка вопроса свидетельствует о том громадном *шаге назад*, который проделала Итальянская Партия. Итальянские

«интрансиженты» (непримиримые) находятся в беспомощной дефензиве. Наступательную тактику ведут Турати, Дарагона и К°, которые фактически невозбранно хозяйничают в партии, с тех пор как измена Серрати привела к выходу коммунистов из объединенной партии. Итальянские реформисты во главе с Турати и Дарагона превратились в открытую *группу мильерандистов*. Они ставят вопрос совершенно так же, как ставил его Мильеран и К°, когда они делали свои первые шаги в области «новой» тактики.—«Но что такое классовое сотрудничество? Оно означает вооружение пролетариата новым орудием для его борьбы против буржуазии... Придет день, когда само положение будет толкать нас неизбежно к презираемой власти, когда из проповеднической партии мы придем к движению для защиты интересов. Мы должны будем защищать новые твердыни, перешедшие в наши руки. Придет день, когда надо будет выбирать между ударом лбом, т.-е. революцией, и компромиссом. Вступать в компромиссы—вот что означает сотрудничество. Можно это сделать умно или глупо, но компромиссы будут необходимы»—так говорил руководитель реформистов, он же вождь профсоюзов г. Дарагона на дискуссии в Милане («Аванти» 3/IX 1921). А другой вождь реформистов г. Тревес развязно заявляет:

—«Разве Московский Интернационал отвечает на все эти насущные требования? Он является органом русско-турецкого союза, с секретными договорами с Германией, подготовляющим военный реванш против Версаля» («Аванти», 25/VIII 1921).

Не больше не меньше!.. Тревес и вся реформистская банда нагло клевещет на Коминтерн и в речах и в резолюциях. А Серрати требует, чтобы мы приняли ее в Коминтерн!

Турати произносил такие подлые речи во время подготовки Миланского Съезда, что даже его друг Серрати воскликнул:

— «Турати закончил вчера тем, что если бы пришлось выбирать между убийством нескольких рабочих и

интересом всего общества, то нужно выбрать последнее, и показал тем, как, протянув один только палец для сотрудничества, можно пойти быстро к предательству в духе разных Носке и Шейдеманов» («Аванти» 3/IX 1921).

Однако, Турати, как и подобает победителю, не обижается на Серрати. Он хвалит миланское собрание серратианцев за отсутствие «прежней порывистости и предвзятых мнений». «Это—признак его здоровья, его серьезности, вернувшейся после пережитого им большого умственного опьянения. Когда на Болонском Конгрессе, например, я усомнился в святости ленинского мифа, меня хотели линчевать, и все же недавно тов. Серрати говорил более резкие вещи».

Так справедливо трунит над «максималистами» г. Турати. Похлопывая по плечу наших бедных «интрансижентов», Турати говорит им далее:

— «Постановление Ц. К. Партии (серратианцы) от 7/IX 1921 совершенно устранило разногласие между фракцией максималистов - унитаристов и фракцией концентрационистов. Он (Турати) всегда полагал, что ни в теории, ни на практике не существует максимализм, который мог бы вызвать разногласие между двумя фракциями» («Аванти», 14/IX 1921). Одним словом, совет да любовь! Турати да Серрати—два сапога—пара... Турати и сейчас фактически министр без портфеля. Между Турати и Бономи существует простое разделение труда. В новой парламентской фракции, руководимой Турати, $^3/_4$ состоит из итальянских Шейдеманов и Дитманов. Когда следишь за предсъездовской дискуссией в итальянской прессе, то поневоле иногда бываешь готов воскликнуть по адресу серратианцев: очнитесь! Разве не видите вы, что партия на краю пропасти? О чем вы спорите? Вы дожили уже до того, что в вашей партии совершенно серьезно спорят о том, выдать ли легальный партийный паспорт мильерандизму или оставить его на полулегальном положении. Перед вами, как совершенно серьезная проблема, ставится вопрос о том, кто прав, Мильеран или Ленин, какая тактика

действительно ведет к победе пролетариата—мильерандистская или марксистская. Что такое «коляборационизм»? Коляборационизм это—остро отточенная бритва в руках буржуазии, при помощи которой она в одну минуту может перерезать горло пролетариату. Допустим даже, что Серрати одержит великую «победу» над Турати, что Серрати получит большинство и Турати заявит о своей громадной жертве на алтарь партийной дисциплины и о том, что он подчиняется, конечно, только на словах, решениям съезда. Что будет означать такой исход? Такой исход будет означать только то, что острую бритву вложили в футляр и на время, только на короткое время, припрятали в карман. Придет более благоприятный момент, бритва будет извлечена из кармана, и итальянская буржуазия попробует произвести над Итальянской Социалистической Партией ту же операцию, которую французская буржуазия в свое время произвела через своего агента Мильерана над французским социализмом. Пусть каждый, кто интересуется судьбами международного рабочего движения и кто сомневался в правоте нашей тактики по отношению к Итальянской Партии, прочтет платформу «концентрационистов», т.-е. реформистов, руководимых Турати и К°. Каждый сознательный коммунист, который прочтет этот документ, придет к убеждению, что это есть поистине *мильерандистская* платформа. Как жаль, что у нас нет под рукой для текстуального сравнения манифестов, которые в свое время писали Бриан и Мильеран в начале своей «новой» тактики и новой карьеры. Тогда всякий увидел бы, что мы имеем пред собою только итальянскую разновидность мильерандизма. И этих людей не только терпят в единой партии, не только оставляют им фактическое руководство в парламентской фракции и в центральном органе партии «Аванти», где в последнее время реформисты расположились, как у себя дома! Из-за них не только рвут с десятками тысяч итальянских коммунистов и со всем Коммунистическим Интернационалом—с ними дискутируют, за ними фак-

тически идут, им приуготовляют победу в итальянском движении!

В настоящее время в «объединенной» Итальянской Социалистической Партии борются, по крайней мере, 4 фракции. Первая это и есть *мильерандисты*, или, как они себя называют, *концентрационисты*. Серрати в одной из своих статей говорит, что хотя в этой фракции на съезде в Ливорно состояло только 14.000 членов партии, но на самом деле удельный вес этой фракции несравненно больше, потому что в ее руках руководство профессиональным движением, кооперативами, парламентской фракцией и т. п. Серрати воображает, что этот последний факт является доводом в пользу его позиции, и забывает, что если это действительно так, что если руководство массовыми рабочими организациями действительно находится в руках этих мильерандистов, то тем опаснее положение партии, тем скорее надо предпринять борьбу против мильерандистской гангрены, чтобы Антонов огонь не охватил все тело партии.

Вторая фракция называет себя фракцией «*единого социалистического действия*» и руководится парламентским шарлатаном, депутатом Алессандри, который является почетным сотрудником парижского органа Ренделя и Лонге. Этот Алессандри по чьему-то заказу — вероятно, по заказу либо Серрати, либо Модильяни, либо того и другого вместе, потому что Серрати и Модильяни не так уже расходятся теперь друг с другом—по чьему-то заказу пытается «изображать» примирительную фракцию. Турати на-днях открыто заявил, что по существу всех спорных вопросов фракция Алессандри сама целиком стоит на почве реформизма. Здесь дело идет исключительно о внутрипартийной игре и интриганстве.

Третья фракция — это и есть фракция, руководимая Серрати, называющая себя «*максималистами-унитариями*». В прошлом году они называли себя «коммунистами-унитариями». Ныне—с божьей помощью поворот: слово «коммунисты» забыто и заменено неопределенным

словечком «максималисты». С этой фракцией и ведется главный спор Коминтерна. О ней мы поговорим подробнее ниже.

Четвертая группа представлена *Неаполем*. Неаполитанские товарищи, наконец, раскусили политику Серрати и выступили против нее. Они по существу очень близко подходят к той постановке вопроса, которую дал III Всемирный Конгресс Коминтерна.

Фракция «*максималистов-унитариев*» теперь очень разнородна. Она будет в ближайшее время определять судьбы Итальянской Социалистической Партии. Рабочие, еще оставшиеся в рядах Итальянской Партии, поддерживают эту фракцию, видя в ней как бы проводника своих революционных взглядов. Рабочие принимают за чистую монету то, что для вожаков типа Серрати является только фразеологией. Положение совершенно такое же, каким оно было в течение года-двух в Независимой партии Германии. План Серрати и К°, которые по существу дела перешли на сторону реформистов, заключается в следующем. Они прекрасно отдают себе отчет в том, что они имеют какое бы то ни было значение только до тех пор, пока они балансируют между реформистами и более левыми течениями в партии. Они превосходно знают, что исключение из партии реформистов создаст новую ситуацию, заставит и их давать ясные ответы на проклятые вопросы и не оставит места двусмысленности. Серрати и К° не хотят исключения реформистов никоим образом. Но они вместе с тем знают, что рабочие ненавидят реформистов, что рабочие хотят, чтобы партия была революционной. Тактика Серрати и его ближайших друзей заключается в том, чтобы на съезде в Милане и после съезда словесная «победа» досталась мнимо «непримиримым» «максималистам», но чтобы *реформисты остались в партии, т.-е. чтобы мильерандизм был партией усыновлен и, стало быть, на деле все осталось по-старому*, а фактическое руководство все больше и больше становилось бы реформистским. Пока этот нехитрый план поймут все рабочие, члены Итальянской Социалистической

Партии, Серрати и К° будут ловить рыбку в мутной воде. Сколько потребуется времени на полный провал этих планов, никто сказать в точности не сможет.

Серрати является представителем итальянской разновидности центризма и притом представителем чрезвычайно ловким, это надо признать. Даже нам, большевикам, проведшим 15-летнюю борьбу с меньшевиками и видавшим таких ловких жонглеров, как Мартов и К°, даже нам приходится признать,что Серрати является одним из ловчайших дельцов центризма.

Не так давно, отвечая на последний манифест Коминтерна по итальянским делам, Серрати попутно скромной рукой нарисовал свой собственный автопортрет. Приведем несколько выдержек из самохарактеристики Серрати.

«В Москве считали—пишет Серрати—что в Италии существует некто Серрати, хозяин партии. Это грубейшая ошибка, ибо, если Серрати был за последние годы выразителем настроения и сознания итальянских социалистических масс, то не верно, однако, будто он может руководить ими по своему усмотрению.

«Кроме того, Серрати—тому, кто его знает, известно это—глубоко ненавидит всех вожаков и он всегда желал бы быть только скромным выразителем чувств и желаний самих масс, преданным и дисциплинированным членом своей партии. Всякие почести его раздражают, всякая шумиха вокруг его имени ему неприятна... Серрати «представляет собою просто человека, который не дает себя поймать ни лестью, ни угрозами. Это скромный, но твердый человек, который желает серьезных и веских доводов, а не проникнутых демагогией аргументов, который глубоко любит свою партию» и т. д.

Итак, хотите ознакомиться с чертами прекрасного незнакомца Серрати? Вот вам его автопортрет! Скромный, но твердый, не дает себя поймать ни лестью, ни угрозами, преданный и дисциплинированный, глубоко ненавидит все почести, беззаветно любит свою партию и т. д. Одним словом, ангел во плоти человека...

Мы, все-таки, позволим себе заметить, что подлинник сильно отличается от автопортрета. Пусть судит сам читатель.

В программной декларации максималистов-унитариев, которая сейчас служит знаменем фракции, руководимой Серрати, и в недавней резолюции Центрального Комитета Итальянской Партии, руководимого Серрати, заявляется в тысячу первый раз, что сторонники Серрати вполне принимают 21 пункт, выработанный на II Конгрессе. Еще не успели высохнуть чернила, которыми Серрати писал свою резолюцию, принятую в Центральном Комитете партии после возвращения Ладзари, Маффи и Рибольди, и в которой Серрати клялся и божился, что он является сторонником 21 пункта, как вы можете прочитать следующее заявление того же «скромного, но твердого» Серрати:

— «*Или* в Москву, *или* в Амстердам, так ставите вы дилемму . В такой форме мы ее отвергаем. Мы говорим, наоборот, *и* в Москве *и* в Амстердаме, повсюду, где имеются организованные рабочие, которых необходимо вырвать из-под влияния убаюкивающих приманок и соблазна узко-профессиональных интересов и направить на путь понимания классовой борьбы и социализма... К Москве, к сожалению, до настоящего времени примыкают лишь русские рабочие и рабочие некоторых второстепенных национальностей. И, поэтому, когда ставится дилемма или Москва, или Амстердам, то обязанность всякого вспомнить, кто примыкает к Москве, и кто к Амстердаму. И в настоящее время, к сожалению, представляется несомненной истиной, что, благодаря грубой тактической ошибке, к Москве примыкают только незначительные меньшинства профсоюзов. Непонимание русских было причиной ослабления и даже крушения международного организационного движения среди красных профсоюзов, которое могло привести левое революционное крыло к завоеванию широких рабочих масс, организованных в рядах мирового пролетарского движения. Если в Амстердамском Интернационале профсоюзов главарями и явля-

ются социал-демократы или социал-патриоты, оппортунисты и сторонники узко-профессионального движения, то их можно устранить. Но нельзя и не следует нам порывать с широкими рабочими массами, которые любят свою организацию и по справедливости гордятся ею, ибо она служит олицетворением их непрерывных усилий, насчитывающих в настоящее время за собой почти столетнюю давность. (На счет 100 лет наш «скромный» Серрати изрядно перехватил через край) . . . «В настоящее время известно, что если не считать русских, то к ним (к красным профсоюзам) примыкают лишь *несколько десятков тысяч* (!!) организованных рабочих, представляющих собою слабые меньшинства почти во всех странах».

Так пишет Серрати в газете «Аванти» от 21 августа. Итак, наш добродетельный и честный Серрати вполне принимает 21 условие, но . . . но он против Москвы и за Амстердам! К Амстердаму принадлежит чуть ли не весь мировой пролетариат, а к Москве только «несколько десятков тысяч» невлиятельных меньшинств. Сам Жуо позавидовал бы такой наглости!.. Или другой пример. В статье под заглавием «Между двумя съездами» в споре с реформистами сам Серрати вынужден был заявить, что парламентская социалистическая фракция в последнее время находится «почти в полном восстании против решений Центрального Комитета партии». Но не успели еще высохнуть чернила на этой статье, как Серрати, убедившись в том, что некоторые честные сторонники максималистов-унитариев делают из таких заявлений серьезные практические выводы и требуют исключения из партии «восставших» против партии реформистов, спешит заявить, что самой важной задачей является сохранение единства в области партийной, профессиональной, парламентской и иной, и что, если парламентская фракция допускала те или другие «ошибки», то соответствующие учреждения в свое время приняли соответствующие меры и волноваться не из-за чего. Не так давно весь социа-

листический мир с изумлением узнал, что соц. партия Италии заключила официальный мир с фашистами. Попробуйте установить, кто именно решил заключить этот мир, где резолюции Ц. К. партии, кто несет ответственность! Как бы не так! Сам чорт ногу сломит, но никто не сможет сказать точно, кто же в партии несет ответственность за этот шаг. О, Серрати подлинный мастер сих и оных дел. Он намекнет вам в игривой статье и в пухлой резолюции Ц. К., что, собственно, партия тут не при чем, что тут было нечто вроде непорочного зачатия, что мир с фашистами как-то сам собой произошел, что отдельные депутаты при этом даже действовали на собственный страх и риск и превысили полномочия. Но он же «докажет» вам, как дважды два, что в этом мире ничего необычного нет, что заключил же Ленин, этот «русский Серрати», Брестский мир и т. п. Серрати в последнее время повел личную кампанию против т. Ладзари, который представлял Итальянскую Социалистическую Партию на Конгрессе в Москве. Ладзари действительно не является последовательным коммунистом и никогда таковым себя не называл, но Ладзари честный человек и субъективно революционер, относящийся лойяльно к Коминтерну и действительно питающий братские чувства к международному революционному движению. Теперь по возвращении Ладзари, когда Серрати убедился в том, что его расчеты не оправдались, и что Ладзари, как честный революционер, стоит не против, а за III Коминтерн, Серрати не перестает острить: в демократе и в пацифисте Ладзари Коминтерн де увидел представителя итальянского коммунизма. На эти приемы достаточно указать пальцем. Те из итальянских товарищей социалистов, которые нас недоуменно спрашивали, почему это многие из делегатов III Конгресса с таким недоверием относятся к заявлениям лидеров Итальянской Социалистической Партии, быть может, поймут теперь после всех кунштюков Серрати, кто несет ответственность за дискредитирование Итальянской Социалистической Партии в глазах Интернационала.

С каждым днем Серрати все больше становится откровенным противником коммунизма. Свою газету «Аванти» он прямо превращает в анти-коммунистический листок.

Вот перед нами десяток случайных номеров «Аванти» за первую половину августа 1921 г. На кого нападает «Аванти»? С кем солидаризируется «Аванти»?

В названных нумерах «Аванти» выступает в более или менее резкой форме *против:*

1. *Германских* коммунистов (8,9 и 13).
2. *Французских* коммунистов (7 и 15).
3. *Швейцарских* коммунистов (3).
4. *Испанских* коммунистов (17).
5. *Итальянских* коммунистов в С. Шт. (16).
6. III-го Конгресса в целом (14).

Наоборот, в тех же статьях «Аванти» выступает в *защиту* или высказывает свое сочувствие и благожелательное отношение к следующим партиям и лицам:

1. Грузинские меньшевики (2).
2. Испанские с.-д. (17).
3. American Socialist Party (16).
4. Датские с.-д.
5. Леви (1, 6).
6. Лонге, Адлер, Каутский, Хилквит.

«Аванти» становится ярым врагом *всех* коммунистических партий. А после этого на конференции максималистов-серратианцев принимается резолюция: Мы все считаем себя еще равноправными гражданами III Коммунистического Интернационала и намерены всеми нашими силами работать в пользу него»! («Аванти», 17/IX 1921). Куда же дальше итти в двусмысленности?

В момент, когда мы пишем эти строки, мы не можем еще сказать, чем кончится Миланский съезд Итальянской Социалистической Партии. Исполком Коминтерна сделал и сделает все возможное для того, чтобы открыть глаза итальянским рабочим на действительное положение вещей. Но, разумеется, теперь нигде и в том числе

среди ближайших друзей тов. Цеткин, не найдется ни одного товарища, который сказал бы, что Коминтерн хотя бы на одну минуту может согласиться оставить в своих рядах итальянских мильерандистов, или тех, кто связывает свою судьбу с ними. Тактика Коминтерна в итальянском вопросе—в том вопросе, который до некоторой степени послужил оселком всей тактики Коминтерна за 1920 год,—была и остается безусловно правильной.

Третий Конгресс указал молодой Коммунистической Партии Италии на ее слабые стороны и ее ошибки. Проявления сектантства на некоторое время были неизбежны в среде молодой партии, родившейся на фоне чудовищных измен, совершонных прежними вождями Итальянской Социалистической Партии. Нам кажется, например, что и сейчас наши друзья, итальянские коммунисты, допускают промахи в вопросе о «народных ударниках» (arditi del popolo). По отношению к таким беспартийным революционным организациям, как движение «народных ударников», хотя бы это движение было заражено большими предрассудками, мы должны быть гораздо более терпимы, чем это замечается со стороны иных руководящих товарищей Итальянской Коммунистической Партии. Хитрецы и дипломаты из серратианской и туратианской братии поддразнивают молодую коммунистическую партию: ну-ка вы, «чистые», чего вы ждете, почему не устраиваете восстания, отчего вы еще, мол, моря не зажгли?.. Было бы величайшим ребячеством поддаться на эту провокацию. Наша молодая коммунистическая партия должна себе твердо усвоить: ее задача—*проникнуть в массы,* шаг за шагом, пядь за пядью отбивать позиции у реформистов, завоевывать профсоюзы, научиться соединять преданность коммунизму с умением вербовать массы на почве самой мелкой и будничной работы. Ничего так не хочется г-дам Турати и Серрати, как того, чтобы наша молодая коммунистическая партия в Италии превратилась в секту донкихотствующих, размахивающих картонными мечами.

*

Этого не будет, господа! Коммунисты будут с массами, а массы—с коммунистами. Во всяком случае, ясно одно: единственной партией, достойной представлять Коминтерн в Италии, является молодая Итальянская Коммунистическая Партия. Ей принадлежит будущее—как бы ни хитрили, ни вертелись, ни юлили Серрати и К°. После съезда в Милане Итальянская Коммунистическая Партия, несомненно, усилится в обоих случаях: и в том случае, если реформисты будут исключены из партии, и в том случае, если Серрати удастся отстоять их. Тщательно исследуя ошибки и слабости в нашей собственной партии в Италии, исправляя их дружески-осторожной рукой, мы должны разоблачить итальянских мильерандистов и их защитников и таким путем мы должны суметь добиться того, чтобы вокруг знамени коммунизма в Италии сплотились все честные и мыслящие рабочие.

V. ФРАНЦИЯ.

Положение коммунизма *во Франции* заслуживает теперь самого пристального внимания со стороны всех революционеров. III Конгресс по инициативе Исполкома Коминтерна оказал самый радушный прием французским товарищам. Если не считать приезда в Россию в 1920 году т. т. Кашена и Фроссара, которые тогда делали еще первые шаги к коммунизму, если не считать приезда покойного Раймонда Лефевра, так рано и так трагически погибшего, который тогда представлял лишь небольшую часть французских рабочих, то теперь в 1921 г., во время III Всемирного Конгресса, мы впервые видели обширную французскую делегацию, представлявшую действительно большую партию в этой стране.

Французское рабочее движение за последние 1—2 года сделало громадный шаг вперед. Если говорить сравнительно, то, пожалуй, прогресс во французском рабочем движении именно за последние 1—2 года шел наиболее быстрым темпом. Нигде социалистическое знамя не было так унижено и опозорено как во Франции во время империалистской войны. Тем большее значение имел в этой стране успех в деле высвобождения рабочего движения из вавилонского пленения социал-патриотизма. С тем большей радостью каждый серьезный коммунист должен был приветствовать каждый вершок пути в сторону коммунизма от социал-патриотизма. Вышвырнувши на Турском съезде в один прием и шайку Реноделя и клику Лонге, французские коммунисты, это можно сказать без всякого преувеличения, *спасли честь* социализма во Франции.

Вот почему III Конгресс должен был так радушно принять французских товарищей и вот почему Исполком Коминтерна в течение всего последнего года должен был так осторожно и так бережно подходить к новым росткам революционного движения во Франции. Франция—оплот международной империалистской реакции. Париж—всемирный центр контр-революции. Французский коммунизм имеет в своей собственной стране самых заклятых, самых бешеных, злобно-мстительных и готовых на все врагов. Международный революционный пролетариат глубоко заинтересован в том, чтобы именно здесь, в центре мировой реакции, сорганизовать свой возможно более сильный боевой отряд. Естественно, что в отношении Франции мы и придерживались формулы: один небольшой, но реальный шаг вперед дороже дюжины программ.

III Всемирный Конгресс взял под свою защиту и должен был взять под свою защиту Французскую Коммунистическую Партию, как она сложилась сейчас, со всеми ее слабостями и недочетами, против неразумных нападок со стороны неумеренно «левых» товарищей. Но этим Конгресс отнюдь не хотел сказать, что во Французской Коммунистической Партии все обстоит благополучно. Самой плохой услугой, какую можно было бы оказать французскому движению, было бы слишком оптимистическое отношение к нему и оценка его по формуле «все обстоит благополучно».

Нет, во французском движении далеко не все обстоит благополучно. Французская Партия только еще развивается в действительно коммунистическую партию. Там многое находится еще в процессе брожения, и слабых мест у Французской Партии хоть отбавляй. Наиболее вдумчивые и наиболее преданные представители Французской Партии сами неоднократно обращали на это наше внимание. Если во Французской Партии еще не возникли те спорные проблемы, которые так остро становились за последнее время в рядах братской Партии Германии, то это отнюдь не потому, что Французская Партия все эти вопросы *уже* решила, но скорее потому, что эти

вопросы перед ней во всей их реальности *еще* и не встали.

Мы говорили французским товарищам, что при нынешнем положении вещей в их движении достаточно возникнуть какому-нибудь одному крупному новому вопросу, и в партии некоторые коренные проблемы встанут остро. События слишком поспешили оправдать это предсказание. Достаточно было во Франции возникнуть даже не вопросу о каком-нибудь большом боевом выступлении, которое подвергает опасности судьбу всей партии, достаточно было встать большому программному вопросу о взаимоотношениях между партией и профсоюзами, как все слабые стороны нашей братской партии во Франции обозначились с зияющей ясностью.

Решение Исполкома Коминтерна—казалось бы столь элементарное—против сотрудничества в буржуазной печати вызывает большую заминку в верхах французской партии...

Тов. Фроссар пишет статью за статьей о начинающемся кризисе в Партии. О кризисе в Партии начинают говорить многие. Жалуются на «сюр-гошизм» (ультралевизну), не замечая, что этот «сюр-гошизм» именно и питается оппортунизмом...

Отношение к революционному синдикализму нигде не является такой серьезной проблемой, как именно во Франции. Если мы возьмем последние два десятилетия, то на всем их протяжении во французском рабочем движении можно отметить определенный двуединый процесс: по мере того как социалистическая партия становилась все более и более реформистской и оппортунистической, по мере этого, на другом полюсе, как реакция против парламентского болота и против крохоборческого оппортунизма, возникал и усиливался так-называемый революционный синдикализм. В самом этом революционном синдикализме было много контр-революционного (это доказано всей историей Конфедерации Труда в течение самых критических годов империалистской войны) и еще больше фразерского, но в нем было и

остается здоровое ядро. Уже первый Всемирный Конгресс Коминтерна указал на то, что старые деления в лагере рабочего движения в значительной степени превзойдены империалистской войной и кризисом рабочего движения, вызванным в связи с этой войной. Коминтерн уже при самом своем образовании протянул братскую руку тем революционным синдикалистам, которые поняли предательство Жуо и К° и отреклись от него так же, как мы отреклись от Шейдеманов и Реноделей. Коминтерн до сих пор не имел никаких оснований раскаиваться в этом своем поведении.

Но даже среди лучшей части нынешнего революционного крыла французских синдикалистов, к сожалению, слишком жива косность и слишком большое влияние имеют старые, казалось бы, изжитые синдикалистские предрассудки. Когда товарищи, как Монатт, или Монмуссо, или Спроль,—несомненные революционеры и преданные идее пролетарской революции борцы,—божатся ныне Амьенской хартией, сочиненной в 1906 году, им, повидимому, и невдомек, что это так же смешно, как если бы мы, коммунисты, божились теперь Эрфуртской программой. Амьенская хартия так же чужда идее диктатуры пролетариата, доминирующей идее нашей эпохи, как чужды ей все реформистские программы старой социал-демократии. Настаивать на Амьенской хартии означает настаивать на идее безусловного нейтрализма профсоюзов и безусловной вражды к политической борьбе пролетариата. А это в свою очередь означает: полная капитуляция перед буржуазией, которой только и надо, чтобы профсоюзы по каким угодно, хотя бы внешним образом архи-революционным мотивам, заняли позицию нейтрализма.

Но мы не можем скрыть ни от себя, ни от других, что почти такая же неясность по вопросу о задачах революционных профсоюзов господствует и в головах многих членов Коммунистической Партии Франции. Иные вожди Французской Коммунистической Партии поверили на слово нашим противникам, будто Коминтерн

и впрямь требует простого механического подчинения профсоюзов партийной организации и отрицает за такими массовыми организациями, как профсоюзы, всякое подобие автономии. Резолюция III Всемирного Конгресса достаточно подробно разъясняет этот вопрос, и мы можем на нем здесь не останавливаться долее. Но именно проведение в жизнь этой резолюции III Конгресса на французской почве застало нашу французскую партию совершенно врасплох и вначале вызвало даже некое подобие кризиса.

В самом деле, ничто не бросает такого яркого света на внутреннюю жизнь Французской Коммунистической Партии, как тот факт, что влиятельнейшие члены этой партии, получив решение III Всемирного Конгресса Коминтерна, не нашли ничего лучшего, как повторять синдикалистские зады и даже грозно заявлять, что они «не позволят» партии в какой бы то ни было мере посягать на священный принцип автономии профсоюзов. Чтобы добиться ясности в рядах синдикалистов по этому вопросу. Французская Партия должна сначала добиться ясности в своих собственных рядах, и не только ясности, но и дисциплины.

Коминтерн считался, считается и будет считаться с своеобразием условий развития рабочего движения в каждой стране. Чем сильнее становится Коминтерн, чем теснее становятся его связи с отдельными партиями, тем дифференцированнее делаются решения Коминтерна, тем конкретнее ставит он и будет ставить вопросы для каждой отдельной страны, исходя при этом из истории и традиций рабочего движения именно в данной стране. Это относится, разумеется, в первую очередь к такой стране, как Франция. Мы прекрасно сознаем, что не с неба свалились такие обстоятельства, какие мы имеем во Франции. Мы знаем, что революционный синдикализм не случайно имеет такие серьезные корни в лучшей части рабочего класса Франции. Мы вполне признаем, что коммунисты в такой стране, как Франция, должны обнаружить достаточно терпения, выдержки и

осторожности, для того, чтобы возможно безболезненнее изжить печальное наследие прошлого. Мы отнюдь не призываем коммунистов к таким действиям, которые могли бы означать охлаждение отношений между ними и массами синдикалистски настроенных рабочих. Но мы утверждаем, что ясной, чеканной, строгой постановкой вопроса для самих себя, внутри своей собственной партии, а затем и для широких масс синдикалистски настроенных рабочих коммунисты не ухудшили бы, а улучшили бы отношения между двумя крыльями революционного рабочего движения во Франции.

Боязнь тесной связи между профсоюзами и партией у синдикалистов диктуется частью неверием в боевую способность только что образовавшейся коммунистической партии, частью старыми синдикалистскими предрассудками по отношению ко всякой партии вообще. Чтобы победить эти предрассудки, французские товарищи должны суметь в кратчайший срок создать действительно коммунистическую партию, стоящую на высоте тех колоссальных задач, которые возникают перед пролетарской партией в современной Франции. Слишком много времени было потеряно в прошлом. Надо наверстывать это время, во что бы то ни стало.

И в области организационной французское коммунистическое движение находится еще тоже в первоначальной стадии. Французская партия имеет еще слишком неоформленную организацию, как на местах, так, в особенности, в центре. В этой области французские товарищи платят еще слишком обильную дань печальному прошлому французского социализма, который был не только в идейном, но и в организационном отношении воплощением расплывчатости и неоформленности. Французская партия приняла 21 условие в Туре. Коминтерн до сих пор не имел и не имеет ни малейших оснований предположить какое бы то ни было нежелание проводить эти 21 условие в жизнь. Но лучшие представители французского коммунизма и сами признают, что к этому проведению партия практически еще только приступает. Всей

силой своего влияния Коминтерн поможет своей французской секции. Важнейшие практические решения, принятые новым Исполкомом в полном согласии с представителями Французской Партии после Конгресса, служат лишь началом в этой области. И если Французская Партия будет и впредь шагать вперед так быстро, как она делала это за последний год, можно быть уверенным, что Французская Партия скоро станет одной из самых сильных секций Коминтерна, перед которой открываются исторические перспективы, поистине захватывающие...

VI. ЧЕХО-СЛОВАКИЯ.

Еще раз вопрос о тактической линии Коминтерна встал перед Конгрессом применительно к *чехо-словацкой* партии. Здесь положение весьма своеобразно. В коммунистической партии Чехо-Словакии насчитывается не меньше чем 350.000 членов. Партия, несомненно, массовая. Вожди ее даже утверждают, что Партия имеет уже сейчас на своей стороне большинство пролетариата своей страны. В этом громадная заслуга товарищей, работающих в Чехо-Славакии. И вместе с тем, несомненно, что и этой партии придется еще считаться с центристскими рецидивами, что она еще только становится подлинной коммунистической партией.

Параллель между ней и французской партией напрашивается сама собой. И здесь и там партия еще только проходит путь к коммунизму. И здесь и там партия имеет за собою большинство политически организованных рабочих. И здесь и там некоторые из виднейших вождей партии проделали длинный путь от социал-патриотизма к коммунизму. Эволюция т. Шмераля во многом напоминает эволюцию т. Кашена—при всех чертах различия, которых не следует забывать.

Но вместе с тем, разумеется, история рабочего движения и его традиции совершенно иные в Чехо-Словакии, нежели во Франции. Чехо-Словацкая партия, несомненно, более пролетарская по составу своему, нежели французская. Навыки к организации в Чехо-Словакии, несомненно, более прочны, солидны, чем во Франции. И само положение вещей в Чехо-Словакии, как и вообще в средней Европе, объективно несравненно более революционно, чем где бы то ни было.

В Чехо-Словакии Коминтерну пришлось еще считаться с национальной проблемой. Проклятое наследие прошлого делает неизбежными национальные трения даже среди рабочих. Задачей Коминтерна будет добиться, во что бы то ни стало, образования *единой* международной коммунистической партии в Чехо-Словакии, и эта задача Коминтерну, несомненно, удастся. Принятию чехословацкой партии в Коминтерн предшествовали очень жаркие прения. Коминтерн указывал чехо-словацким товарищам пальцем на центристскую прослойку в их партии. Коминтерн резко критиковал полуцентристский уклон одного из вождей партии, тов. Шмераля, но Коминтерн вместе с тем с громадным единодушием принял партию в свою среду, как партию действительно пролетарскую, действительно массовую. И Коминтерн при этом озаботился о достаточных организационных гарантиях против центристских влияний в Чехо-Словакии.

Говоря о «непозволительной противоречивости решений Коминтерна по отношению к отдельным коммунистическим партиям и группам отдельных стран», г. Мартов пишет:

— «Итальянские коммунисты типа Серрати изгоняются; несомненные центристы, как Кашен и Фроссар и национальные коммунисты Чехии, возглавляемые центристом Шмералем, принимаются с распростертыми объятиями».

Вслед за Мартовым то же самое повторяет в «Аванти» и Серрати.

На самом деле тут никакой противоречивости нет. Коминтерн должен ставить вопросы именно конкретно в применении к особым условиям каждой отдельной страны. Серрати и К° проделали *попятную* эволюцию и тащат назад Итальянскую Партию от революционного коммунизма к реформизму. Товарищи Фроссар и Кашен так же, как т. Шмераль, искренно проделали эволюцию *к коммунизму* и являются выразителями тех слоев пролетариата, которые идут вперед, а не назад. Вот почему

Коминтерн *и должен* был их принять с «распростертыми объятиями». Все сведения, получаемые из Чехо-Словакии после III Конгресса, показывают, что т. Шмераль и его ближайшие друзья намерены лойяльно выполнить постановление III Конгресса [1]) и что движение Чехо-Словакии находится на лучшем пути к успехам. Чешские социал-демократы, как и следовало ожидать, решили теперь войти в буржуазно-коалиционное министерство. Это улучшит шансы нашей коммунистической партии в Чехо-Словакии, как никогда.

Последние сведения, которые мы получили от представителей Чехо-Словацкой Партии, заставляют нас сделать два замечания:

1) В вопросе о борьбе за влияние на профсоюзы у наших товарищей есть еще какая-то недоговоренность. Борьба против Амстердама не достаточно организована и не оформлена. Это — большая ошибка, за которую мы уже расплачиваемся, напр., в Норвегии.

2) Ц. К. будущей Объединенной Партии товарищи хотят составить по принципу пропорционального представительства от отдельных наций. Это кажется нам принципиальной ошибкой. В единой международной партии такого принципа быть не может. Нет его, напр., в Росс. Ком. Партии, в которую входят пролетарии многих национальностей. Шутить с этим «принципом» нельзя. Коготок увяз—всей птичке пропасть. Партия и ее Ц. К. должны быть подлинно едины. Это не исключает того, что на практике, конечно, должны быть введены в Ц. К. руководители пролетариата всех национальностей и вообще должны быть учтены национальные трудности.

Чехо-словацкие коммунисты сумеют наверстать потерянное в области профессионального движения. Они сорганизуются немедленно для того, чтобы отвоевать все до единого профессиональные союзы на сторону коммунизма. Они образуют в самом ближайшем будущем еди-

---

[1]) Мы надеемся, что т. Шмераль откажется также от своего пессимизма и излишней осторожности в вопросе об объединении рабочих всех национальностей в одну партию.

ную международную централизованную коммунистическую партию. И они, несомненно, одни из первых приведут пролетариат своей страны к полной победе над буржуазией.

Коммунистические партии *центральной Европы* и близлежащих соседних стран представляют собою некий единый комплекс. Неустойчивое равновесие центральной Европы, шаткое положение буржуазии в этих странах и все другие объективные предпосылки именно в этих странах говорят за то, что, насколько можно предвидеть, первые новые большие бои и первые новые крупные победы пролетарской революции будут иметь место именно в этих странах центральной Европы. Здесь мы имеем и наиболее массовые коммунистические партии с наибольшим революционным закалом и наибольшей готовностью к борьбе. Руководство коммунистическим движением в центральной Европе должно, поэтому, явиться одной из первейших задач Коминтерна.

* * *

В таких странах, *как Англия и Америка,* задачи Коминтерна пока, к сожалению, еще слишком элементарны. Организованные коммунистические силы в этих странах по целому ряду исторических условий слишком еще слабы и не идут ни в какое сравнение с той гигантской объективной ролью, которую эти страны играют в мировом капитализме. Здесь задача Коминтерна, прежде всего, заключается в том, чтобы придать коммунистической партии действительно массовый характер. Громадные стачки, происходящие в Англии, и сложнейшие процессы внутри старого профессионального движения этой страны, несомненно, открывают теперь коммунизму широку дорогу. Английские коммунисты должны будут замешаться в самую гущу масс. Это их самая важная задача.

В Америке влияние коммунистических революционных идей велико, но организованная сила коммунизма так еще непропорционально мала. Мы, европейцы,

зачастую не имеем достаточного представления о тех гонениях, которым подвергаются американские коммунисты. Мы иногда говорим, что в Америке господствуют «царские порядки», но мало вдумываемся в эти слова. Это так, это именно так. Этот «порядок» обрушился на коммунистов *более сильно,* чем царские порядки, ибо американские империалисты имеют перед царскими чиновниками тысячу преимуществ: они умнее, интеллигентнее, организованнее. Но, тем не менее, ни в коем случае нельзя объяснять нынешнюю организационную слабость американского коммунизма только гнетом сверху. Нет, это надо сказать открыто: американские коммунисты еще не отделались от сектантства, они еще страдают некоторой боязнью легальности. Им надо, во что бы то ни стало, поскорее преодолеть эти болезни и стать для начала *партией массовой агитации и пропаганды.*

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Коминтерн наметил свою тактическую линию применительно к более длительному развитию и поставил себе первой задачей завоевание большинства рабочих на свою сторону. Но надо при этом, разумеется, иметь в виду, что ход и перипетии нашей борьбы определяются не только нами одними, но и нашими противниками. В этом смысле как нельзя более поучительна судьба некоторых наших коммунистических партий *на Балканах*. Югославянская коммунистическая партия, например, несомненно, имела большинство пролетариата на своей стороне и была на лучшем пути к тому, чтобы завоевать симпатии большинства всего трудящегося населения вообще. Она одержала громадные избирательные победы, она полностью отвоевала профсоюзы на свою сторону, она разбила на голову социал-демократов, сторонников 2 и $2^1/_2$ Интернационалов, она стала решающим политическим фактором в своей стране, она росла со дня на день. Но, видя это, югославянские буржуа и помещики в один прекрасный день ударили кулаком по столу, объявили всю партию нелегальной, арестовали всех депутатов коммунистов, провозгласили чудовищно реакционный исключительный закон против коммунистов, стали убивать направо и налево всех тех, кого отдаленно только можно было заподозреть в симпатиях к коммунизму. И, таким образом, загнали могучее движение в подполье.

Приблизительно так же поступило румынское правительство. 13 мая 1921 г. Румынская партия на своем съезде произвела голосование по вопросу о вступлении в III Интернационал. 432 голоса были поданы за присоединение без оговорок и 111 голосов за присоединение с

оговорками. А уже 14 мая румынское правительство «без оговорок» арестовало всех до единого делегатов съезда, голосовавших за вступление в Коммунистический Интернационал, в том числе и коммунистов депутатов. 7 июня в румынском парламенте слушался запрос по поводу ареста пяти депутатов коммунистов за их голосование в пользу Коминтерна. На запрос ответил румынский министр вн. дел Аржетояну, который заявил, что разрешения парламента на арест депутатов коммунистов не требовалось, так как арестованные были захвачены на месте преступления. Министр добавил, что поездка в Москву министров депутатов была законна, а возвращение из Москвы с целью насаждения коммунизма в Румынии незаконно. Министерство терпело коммунистическую пропаганду, пока она имела лишь теоретический характер, но присоединение к Коминтерну— это уже выступление, которое обязывает принять меры, так как «румынское *правительство не желает играть роль Керенского*» («L'Humanité» 7 июля).

Это как нельзя более красноречивое заявление. Юридические выкладки балканского министра о том, что поездка из Бухареста в Москву законна, а из Москвы в Бухарест незаконна, разумеется, только смешны. Но отнюдь не смешно его заявление, что румынское правительство не желает играть роль Керенского. *Буржуазия научилась на примере России.* Научились также и господа меньшевики всех стран. В Юго-Славии да и в Румынии [1]) меньшевики не только не защищают арестованных коммунистов, но на деле помогают «своему» правительству и пользуются случаем, чтобы усилить свои позиции. Так поступили, например, господа меньшевики в Юго-Славии. Эти господа, являющиеся украшением $2^1/_2$ Интернационала, не побрезговали взять *из рук полиции*—прямо и непосредственно, из полы в полу — дома и имущество коммунистической партии Юго-Славии после того, как

[1]) Последние газеты приносят известие об убийстве в тюрьме ряда наших румынских друзей—Фабиана, Поповича и других. Дело дошло до прямого физического истребления коммунистов.

партия была загнана в подполье и ее депутаты арестованы. Югославянские меньшевики играют роль прямых полицейских, помощников югославянских душителей рабочего класса. А венская «Arbeiter Zeitung» не стесняется печатать бесстыжую статью югославянского меньшевика Топаловича, читая которую, не знаешь, чему больше удивляться, тупоумному самодовольству, или циничному, прямо конокрадскому, бесстыдству этого «вождя» $2^1/_2$ Интернационала.

Но как бы то ни было, мы имеем пред собою определенный факт. Когда правительства видят, что коммунисты на легальном пути начинают завоевывать большинство, эти правительства сами ломают свою собственную легальность и ставят штык в порядок дня. Так поступили правительства в Юго-Славии и в Румынии, так не прочь поступить болгарская буржуазия, к этому, видимо, готовится чехо-словацкое правительство, и это же может повториться в любой другой стране.

Уже по одному этому коммунисты никогда не могут забывать о первостепенной задаче: *подготовке нелегальных организаций*. Коммунисты должны помнить, что большинство можно и должно завоевывать не только на легальной арене, но и иначе. Наши югославянские товарищи теперь, мы надеемся, сумеют показать, что именно загнанные в подполье они еще прочнее завоюют сердца рабочих своей страны, чем это было раньше.

Вот почему все то, что содержалось в 21 пункте, принятых II Всемирным Конгрессом Коминтерна, целиком остается в силе. Каждый шаг практического движения за год подтверждал правильность этих пунктов.

— Но, скажут нам, тогда ваша «новая» тактика очень похожа на старую тактику Коминтерна! Мы спорить и прекословить не станем. Да, в основном старая тактика была и остается верной. Дело теперь идет лишь о том, чтобы применить ее в новой обстановке к конкретным условиям каждой данной страны, чтобы учесть конкретные особенности международного положения в данный период времени. Жизненность Коминтерна в том и

сказалась, что он эту в высшей степени важную задачу сумел выполнить без особого труда и без опозданий. III Всемирный Конгресс Коминтерна потому и займет почетное место в истории освободительной борьбы международного пролетариата, что он эту деловую, пусть скромную, но в высшей степени важную задачу сумел выполнить твердо и правильно.

Пусть читают и изучают рабочие всех стран резолюции и тезисы, принятые III Всемирным Конгрессом. Они найдут там подъитоженный опыт их собственной борьбы во всем мире. Они найдут в них ценнейшие практические указания, явившиеся результатом совместной борьбы передовых пролетариев всех стран. Не только тактическая резолюция, не только резолюция о профсоюзах являются громадным шагом вперед в области практической работы Коминтерна, но особенно важное значение имеет также резолюция по организационному вопросу. Ее следует изучать в каждом рабочем кружке, особенно ту ее часть, которая трактует обязанности каждого члена партии и указывает, как каждый отдельный рабочий должен становиться активным участником партийной работы, а значит, и активным участником всемирной освободительной борьбы пролетариата.

Коминтерн вступил в полосу организационного строительства. Связь отдельных партий друг с другом возросла необычайно. Параллельные работы всемирного съезда красных профсоюзов, отдельные международные съезды профсоюзов по профессиям, всемирные съезды молодежи и женщин, заседавшие одновременно в Москве, чрезвычайно содействовали усилению деловых международных связей между рабочими. Руководящий центр Коминтерна, его Исполком, несравненно ближе и прочнее связался с отдельными партиями. Исполком с каждым днем все более становится учреждением, действительно руководящим практической работой афильированных партий. Без преувеличения можно сказать, что, за 6 недель, истекших со времени III Конгресса, Исполком выполнил работу большую, чем раньше выполнял в

течение 6 месяцев. Все наши лучшие партии прибавили свежих сил Исполкому, Конгресс влил свежую кровь нашим руководящим организациям.

Ближе к массам! Этот клич Коминтерна будет помнить каждый рядовой участник нашей мировой борьбы. И вместе с тем, каждый из нас должен помнить, что надо держать порох сухим, что решающие бои могут притти гораздо раньше, чем мы их ожидаем. Строя шаг за шагом свою организацию, внимательно проверяя наш путь вершок за вершком, мы лучше всего подготовимся и к великим решающим битвам. Эти битвы приближаются, и, что бы ни говорили наши враги, победа мировой пролетарской революции обеспечена.

Москва,
Сентябрь 1921 г.

И. К. П.
Кабинет истории
Народов СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. Общая линия Коминтерна 3

II. Правые и левые уклоны 14

III. Германия 31

IV. Италия 39

V. Франция 53

VI. Чехо-Словакия 60

VII. Заключение 65